

Шифр

Автор:

Изабелла Мальдонадо

Шифр

Изабелла Мальдонадо

Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах Спецагент ФБР Нина Геррера #1

Бестселлер Amazon Charts. Рейтинг Amazon 29 000, средняя оценка 4,4. Рейтинг Goodreads 19 500, средняя оценка 4,16. По книге готовится грандиозная кинопремьера; продюсер картины и исполнительница главной роли – Дженнифер Лопес.

Автор знает не понаслышке то, о чем пишет. Окончив Академию ФБР в Куантико, она посвятила 22 года своей жизни службе в полиции и ФБР США, дослужившись до высоких должностей, поэтому ее роман – фактически инсайдерская история.

Многие из тех, кто прочитал этот роман, в один голос говорят, что он будет посильнее, чем романы Майка Омера.

Он зашифровывает чужую смерть.

Разгадаете его послание – предотвратите убийство.

Но вряд ли вы успеете... Ведь он все рассчитал – до деталей, до секунды. Он умнее всех. Он – Бог.

Рано утром полиция нашла труп 16-летней девушки. На спине жертвы остались три ожога от сигареты, образовавшие треугольник. Во рту – записка с посланием. А рядом, на мусорном контейнере – непонятная надпись, состоящая из цифр и букв... И все это адресовано одному человеку – специальному агенту ФБР Нине Геррере.

Нина – единственная, кому удалось сбежать от загадочного серийного убийцы по прозвищу Шифр. А ведь тогда – одиннадцать лет назад – он собирался подарить этой девчонке роскошную смерть. Но сегодня начинается новая игра... Игра, в которой миллионы пользователей соцсетей будут наблюдать, как спецгент Геррера пытается поймать его, разгадывая кровавые головоломки. Подсказка за подсказкой, шифр за шифром, жертва за жертвой...

Автор окончила академию ФБР и посвятила 22 года своей жизни службе в полиции и ФБР США, дослужившись до высоких должностей. Она хорошо знает то, о чем пишет, поэтому ее роман – фактически инсайдерская история, ставшая популярной во всем мире.

«Роман, рвущий сердце с первой же страницы. В нем есть все, что должно быть в первоклассном триллере: бритвенно-острый сюжет, игра, ставка в которой – жизнь... А персонажи – хорошие и плохие – выписаны настолько здорово, что вы сможете поклясться, что встречали их. Я прочитал книгу за один присест и гарантирую, что с вами будет так же. Да, и еще одно обещание: вам абсолютно понравится Воительница!» – Джеффри Дивер

«Женщина, пережившая жестокое нападение, сталкивается со своими страхами в охоте за серийным убийцей... Криминалистика, психологический анализ, жесткие действия и негибкая героиня, которая противостоит мужчине, последнему из всех, кого она хотела бы увидеть снова». – Kirkus Reviews

«Этот роман – настоящая гонка со временем». – Popsugar

«Мальдонадо мастерски изображает женщину, которая черпает силу из своих прошлых травм, и убедительно показывает, как монстр может использовать Интернет, чтобы охотиться на уязвимых людей». – The Amazon Book Review

«Интригует! В этой динамичной истории ощущается глубокий профессиональный опыт автора, элегантно замаскированный вымышленными обстоятельствами. Хотя, пожалуй, и вымышленными-то их можно назвать условно: ведь очень часто в жизни и работе профайлера гораздо больше приключений, чем может показаться стороннему наблюдателю. Занимаясь «неженской» работой, героиня разрывает шаблоны и выходит за рамки общественного восприятия». – Анна Кулик, профайлер, судебный эксперт

Изабелла Мальдонадо

Шифр

Майку, моей второй половинке.

Люблю тебя.

Isabella Maldonado

THE CIPHER

Text copyright © 2020 by Isabella Maldonado. All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Галушкина Л.Ю., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Нина Эсперанса взглянула на человека, от которого зависела ее судьба. Судья Альберт Макинтайр молча листал представленные на рассмотрение документы. Сидя за длинным дубовым столом, Нина постаралась унять дрожь в коленках и придать лицу учтивое выражение. Бумаги подшиты к делу, показания даны – осталось выслушать вердикт.

Наконец судья поднял взгляд и объявил:

– Я готов утвердить ваше ходатайство, однако сперва хочу убедиться, что вы осведомлены о последствиях. Решение суда отмене не подлежит. Отныне ответственность за все ваши действия полностью ляжет на вас.

Адвокат Кэл Уизерс поправил тугой воротничок рубашки.

– Она согласна, ваша честь.

Уизерсу поручили представлять интересы Нины на слушании. В свои семнадцать она еще не имела права самостоятельно обращаться в суд. Седовласый адвокат держался спокойно и деловито, что выдавало в нем опытного юриста. На его изможденном, изрезанном морщинами лице отразилось многолетнее бодание с судебной системой по делам несовершеннолетних, где справедливость торжествовала отнюдь не всегда.

Мельком взглянув на Уизерса, судья обратился к девушке, чья жизнь должна была вот-вот измениться навсегда:

– Я понимаю, почему вы подали прошение об эмансипации[1 - Эмансипация несовершеннолетнего – юридический процесс, в результате которого ребенок старше четырнадцати лет может официально отказаться от опеки родных или приемных родителей. – Здесь и далее прим. пер.]. Особенно теперь, в свете последних событий.

Те немногие, кого допустили на закрытое слушание, заерзали на стульях, однако Нина не шелохнулась. После случившегося она поклялась себе никогда больше не доверять опекунам. Если судья отклонит ходатайство, она снова сбежит из дома. И уж на этот раз не объявится до совершеннолетия.

– Вы доказали, что в состоянии себя обеспечить, – продолжил судья Макинтайр. – Вот только как вы намерены жить дальше? Есть ли у вас планы на будущее?

Не успела Нина открыть рот, как Уизерс сообщил:

– Ваша честь, в представленных документах сказано, что мисс Эсперансу приняли в Университет Джорджа Мейсона[2 - Университет Джорджа Мейсона – государственное высшее учебное заведение США, расположенное в округе Фэрфакс, штат Вирджиния, неподалеку от Вашингтона.]. Кроме того, ей назначили стипендию и частично выделили средства на оплату обучения. Она уже работает на полставки, а жить планирует в общежитии, которое...

Судья остановил его взмахом сухощавой, в возрастных пятнах руки.

– Пусть юная леди ответит сама.

Уизерс хотел вмешаться, дабы оградить подзащитную от щекотливых расспросов. Вместе с сотрудницей службы опеки он проинструктировал ее накануне слушания. На случай, если судья спросит о карьерных планах, они заготовили трогательную речь о том, как Нина решила стать медсестрой, воспитательницей в детском саду или вступить в Корпус мира[3 - Корпус мира – гуманитарная правительственная организация США, отправляющая добровольцев для помощи бедствующим странам.]. Что вообще-то ложью не являлось: она действительно рассматривала эти варианты. Хотя быстро их отмела. Теперь Нина твердо знала, чему на самом деле хочет посвятить остаток жизни. Вот только одобрит ли ее выбор судья?

Уизерс незаметно коснулся ее ноги носком ботинка. Нина знала, каких слов от нее ждут, однако не привыкла поступать по чужой указке. Возможно, поэтому и меняла приемные семьи как перчатки.

Нина выбрала правду.

– В университете я буду изучать уголовное право, – приосанившись, заявила она. – А затем устроюсь детективом в полицию, чтобы до самой старости ловить ублюдков, которые мучают детей.

Уизерс спрятал лицо в ладонях. Сотрудница службы опеки мотнула головой.

Не обращая на них внимания, Нина обратилась к судье:

– Достаточно четкие планы, сэр?

Макинтайр прищурился.

– А психолога вы продолжите посещать?

– Да, сэр.

– В силу многих причин вы рано стали самостоятельной, мисс Эсперанса, – заключил судья. – Но вот вам мой совет: когда необходимо, научитесь принимать помощь от других.

Зал погрузился в молчание. Все взгляды обратились к Макинтайру.

Нервы у Нины, и без того расшатанные, были натянуты до предела. Вдруг судья решит, что сама она не справится? Девушка затаила дыхание.

Спустя целую вечность тишину нарушил басовитый голос:

– Я удовлетворяю ваше ходатайство.

Нина с облегчением выдохнула.

– Теперь что касается остального, – сурово продолжил Макинтайр, и улыбка на лице у девушки угасла. – Вы также подали прошение о смене фамилии. – Он показал собравшимся нотариально заверенный документ. – Вы намерены поменять фамилию Эсперанса, данную вам в младенчестве, на Геррера. Но вы и так сможете это сделать – в восемнадцать. Всего через год. Зачем спешить?

Уизерс прокашлялся.

– Ваша честь, нынешнюю фамилию моей клиентке дали в приюте, когда стало ясно... – юрист бросил на Нину извиняющийся взгляд, – что ее вряд ли удочерят.

Девушка сцепила руки на коленях и уставилась на переплетенные пальцы. В детстве она ничуть не походила на кудрявых белокурых малышей с блестящими голубыми глазками. Она не могла похвастаться ни фарфоровым личиком, ни розовыми щечками. Соцработники ни разу не называли ее милой или скромной. Напротив, в обрывках взрослых бесед то и дело проскальзывали слова «упертая» и «своенравная». Малышкой она еще не понимала их истинный смысл, однако сразу уяснила, что эти черты – вкупе с темными волосами, карими глазами и смуглой кожей – отличают ее от прочих девочек.

Девочек, которых удочеряли.

Уизерс поспешил прервать неловкое молчание:

– Раньше у моей клиентки не было возможности решить этот вопрос. Теперь же, освободившись от опеки штата, она хочет, чтобы фамилия отражала ее новое кредо.

– Кредо? – Судья приподнял кустистую бровь.

– Сэр, вы знаете испанский? – спросила Нина, глядя ему в глаза.

– Нет.

Она сделала глубокий вдох. Лучше все выложить без утайки.

– Я отыскала соцработницу, которая занималась мной в самом начале, семнадцать лет назад.

– Мне известно о ваших... обстоятельствах, – помрачнев, произнес судья.

Обстоятельства. Безликий клинический термин, призванный не задеть ее чувства. Судья выразился так из добрых побуждений, но это ничуть не смягчало горькой правды.

Когда Нине исполнился месяц, ее оставили умирать в мусорном баке.

Сглотнув комок в горле, она продолжила:

– Соцработницу зовут Мирна Гонсалес. По ее словам, сперва меня прозвали Малышкой Джейн Доу[4 - Имя «Джейн Доу» (или «Джон Доу», если речь о мужчине) используется в англоязычных странах для обозначения анонимной персоны или неопознанного тела. Изначально Джоном (или Джейн) Доу именовали в суде истца, если тот неизвестен или пожелал остаться анонимным.]. А затем подобрали мне этнически подходящее имя – и я стала Ниной. Это английский вариант слова «niña», что по-испански значит «девочка». Миссис Гонсалес надеялась, что я попаду в любящую семью, поэтому дала мне фамилию Эсперанса – «надежда». – У Нины снова перехватило горло, и она еле слышно добавила: – Вот только все сложилось иначе.

– Да, – признал Макинтайр. – Совсем иначе.

Нине понравилось, что он не стал ее утешать.

– А почему Геррера? – полюбопытствовал судья.

– Guerrero – по-испански «воин», «боец». А guerrera – с буквой «а» на конце – то же самое, только про женщину.

Мгновение судья обдумывал ее слова. В его глазах сверкнуло понимание.

– Воительница, значит?

Нина качнула головой в знак согласия.

– Надежду я оставила в прошлом, – тихо сказала она и, вздернув подбородок, добавила: – Отныне я сражаюсь.

Райан Шеффер едва не прыгал от нетерпения. Главное – сохранять ясность ума. После долгой и тщательной подготовки этот миг наконец-то настал.

Послеполуденное солнце, пробиваясь сквозь кроны, бросало пятна света на пролежавшую неподалеку тропу. Теплый осенний ветерок шелестел листвой кустарников. Увы, слабый аромат азалий почти не заглушал резкого запаха пота, которым разило от лучшего друга Райана – Зиппо. Тот как раз высунул голову из-за кустов, чтобы посмотреть, где бегунья.

– Вон она! – Поднес к глазам бинокль и направил его на тропу, петлявшую вдоль берега озера Аккотинк. – В голубой майке!

– Дай поглядеть! – Райан выхватил бинокль, отчего приятель разразился бранью. – О да! – Он подкрутил резкость, и сердце забилося быстрее. – Секс-штучка!

Бегунья выглядела весьма соблазнительно: коротко стриженные, влажные от пота волосы, спортивный костюм из спандекса, облегающий стройную фигуру. Райан прислушался к ритмичному шороху подошв: жертва приближалась к засаде. Кровь забурлила у него в венах.

– Она мелкого роста, – заключил Зиппо. – Наверное, легкая, как пушинка. Отбиться силенок не хватит. – Он пихнул товарища костлявым локтем. – Ты ее в два счета завалишь!

Райан, без пяти минут выпускник старшей школы Ист-Спрингфилд, уже давно перерос своего отца. Четыре года на футбольном поле научили его сбивать соперников с ног. Друг прав: он эту пигалицу в два счета сцапает.

Каждый день после тренировки приятели ходили в парк – по словам Зиппо, «караулили добычу». Совсем как охотники. Наконец-то им попалась идеальная жертва.

– Не сдрейфишь? – прищурился Райан.

– Да я всегда готов! – Зиппо сжал ширинку джинсов.

– Про съемку помнишь?

– А то! – Приятель вытащил одноразовый мобильник, приобретенный на прошлой неделе.

Райан оприходует жертву первым, а друг снимет прямую трансляцию. Зиппо поклялся, что копы их не вычислят. Райан захватил сразу две балаклавы – закончив с дамочкой, он уступит место приятелю. Это будет нечто!.. Райан показал Зиппо большой палец и снова поглядел в бинокль.

– Секунд через тридцать прибежит сюда. Приготовься.

Они натянули балаклавы. Опустившись на корточки, Зиппо просунул телефон сквозь брешь в листве.

Райан тоже присел, касаясь земли одной ладонью, как перед началом игры в американский футбол. Кусты здесь росли особенно густо – когда добыча спохватится, будет уже поздно.

Бегунья приближалась. Приятели устроили засаду на финальном участке тропы, рассчитывая, что к концу забега жертва выбьется из сил. Хотя какая разница? Она же тщедушная. Карие глаза на миниатюрном лице казались просто огромными. Скоро они распахнутся еще шире, подумал Райан, и его тело напряглось в предвкушении. Он приготовился и замер.

Как только молодая женщина пробежала мимо, он резко выскочил из укрытия и со всей силы двинул плечом ей в спину.

Бегунья ничком упала в траву на обочине. Удар сбил жертве дыхание, однако Райан понимал: через миг-другой она найдет в себе силы крикнуть.

Этого допустить нельзя.

Когда женщина перевернулась на спину, он снова рванул вперед и навалился на жертву всем своим весом. Воздух с хрипом вышел из ее легких – а значит, Райан выгадал еще пару секунд тишины.

Внезапно, прежде чем он успел среагировать, бегунья нанесла ответный удар – двинула ладонью ему по носу. Взыв от боли, Райан оттолкнул ее руку. Попытался схватить женщину за запястья, а она нацелила колено ему в пах. Райан чудом избежал угрозы, едва подавив желание откатиться в сторону и прижать колени к груди.

Пришло осознание: если срочно не взять ситуацию под контроль, психичка надерет ему зад. Бедрями зажав ее ноги, Райан потянулся к запястьям – таким тоненьким, что впору удержать одной рукой. Одно он ухватил и почти уже добрался до другого, как вдруг чувствительное место на шее – возле угла нижней челюсти – взорвалось болью.

Отдернув голову, он мельком заметил в свободной руке у соперницы что-то черное. Она пырнула его ножом? Где же кровь? Одной рукой еще сжимая запястье бегуньи, Райан занес другую, чтобы ударить ее по лицу, и тут дикая боль вернулась, раскаляя добела каждый нерв от плеч и выше. Пигалица еще сильнее вдавила ему в шею черный предмет.

Мысли улетучились, осталась лишь боль – самая мучительная в жизни Райана. Она захлестнула его, опустошила, обездвижила.

Где Зиппо? Небольшая частичка разума, еще способная мыслить, признала: ему, спортсмену, требовалась помощь, чтобы одолеть женщину вдвое меньших габаритов. И зачем он ввязался в это дерьмо?..

Скосив глаза влево, Райан увидел спину стремительно убегавшего Зиппо: серая футболка раздувалась на ветру как парус. Он решил, что убьет крысеныша при первой же возможности.

Когда пульсация в шее немного отпустила, Райан понял: женщина о чем-то его спрашивает.

Ее огромные карие глаза превратились в узкие щелочки.

– Ваше имя?

Из-за жгучей боли его мыслительный процесс свелся к простейшим операциям. Нервные клетки сигнализировали лишь об одном.

– Мне больно!

– Неужели? – Бегунья надавила сильнее, отчего перед глазами у Райана поплыло. – С чего бы это? Сейчас подскажу. Может, не стоит нападать на женщин?

– Я не... Я просто хотел вас разыграть, – еле выдавил он в свое оправдание.

– Хватит, – незнакомка скривила губы. – Вы арестованы.

Эти слова мгновенно низвергли будущее Райана в тартарары. Еще недавно его, как успешного футболиста, ждал колледж со спортивной стипендией. А теперь – разве что баскетбол в тюремном дворе.

В глазах у Райана защипало. Женщина холодно взирала на него.

– Вы к-коп?

– Специальный агент Нина Геррера, – представилась она и шепотом добавила: – ФБР.

Глава 3

Нина сидела на краешке жесткого винилового стула в приемной руководителя местного отделения – старшего специального агента Тома Ингерсолла. Тот уже полчаса беседовал в кабинете с ее непосредственным начальником – специальным агентом Алексом Коннером.

С утра секретарша передала Нине, что Коннер просит ее срочно зайти к Ингерсоллу. За два года в вашингтонском офисе, куда Нину направили сразу после вступления в ряды ФБР, глава отделения впервые вызвал ее на ковер. Похоже, это было связано с ее внеслужебной пробежкой в парке. Она уже в сотый раз прокрутила в памяти вчерашние события – и снова не поняла, чем именно провинилась.

Осторожно пощупав свой бок, Нина поморщилась. Неужели этот болван, прыгнув сверху, сломал ей ребро? Все мышцы заныли от боли, когда громила на нее обрушился. Патрульные вызвали «Скорую», однако Нина отмахнулась от медиков – пусть сперва осмотрят нападавшего. В больницу она не поехала и остаток вечера давала показания бывшим коллегам из полиции. Наверное, зря отказалась сделать рентген...

Ее размышления прервал Коннер:

– Можете зайти.

Нина встала и с уверенным видом шагнула в кабинет. Сдержанно кивнув Ингерсоллу, опустилась на один из двух стульев напротив его стола.

– Вчерашний случай заставил меня поволноваться, – начал глава отделения. – Рад, что вы не пострадали.

– Спасибо, сэр. Я в порядке.

– Согласно полицейскому отчету, вы обезвредили нападавшего с помощью тактической ручки[5 - Тактическая ручка – разновидность скрытого оружия для самообороны. Выглядит как обычная шариковая ручка и может использоваться для письма, однако корпус изготавливается из более прочных материалов – титана, стали, авиационного алюминия. Такой ручкой можно наносить удары в уязвимые места нападающего.], – произнес Коннер, усаживаясь рядом с Ниной.

Агентам разрешали носить табельное оружие вне службы – это даже поощрялось, однако не так-то просто бегать в парке с «пушкой» в руке. При виде подобной картины прохожие уж точно вызвали бы полицию. В спортивном костюме из спандекса карманы не предусмотрены, поэтому, за неимением других вариантов, Нина предпочла небольшое устройство, умещавшееся в

ладони.

Она вынула ручку из внутреннего кармана куртки и протянула начальнику.

– Отправляясь на пробежку, я всегда беру с собой что-нибудь для самозащиты.

Повернув корпус ручки, Коннер выдвинул пишущий наконечник.

– Понимаю. Одинокой... одинокому человеку осторожность не помешает.

Он едва не сказал «одинокой женщине» – однако вовремя осекся, иначе Нина, чего доброго, заткнула бы ему рот его же собственным ботинком.

Коннер протянул ручку Ингерсоллу, и тот внимательно ее осмотрел.

– Нестандартная модель.

– Я ею пользуюсь еще с тех пор, как работала в полиции. Однажды пришлось разбить стекло автомобиля карбидным наконечником. Полезная вещьца.

Черный цилиндрик – чуть толще обычной шариковой ручки – казался вполне безобидным. Однако в опытных руках безделушка превращалась в оружие.

– В полицейском отчете сказано, что вы атаковали обидчика в угол нижней челюсти, – заметил Ингерсолл, возвращая ручку.

Это позволило обезвредить подонка, почти не применяя силу. Она надавила на особую точку, находившуюся сбоку на шее, тем самым вызвав сильную боль, которая, будто электрический ток, побежала по нижнему альвеолярному нерву. После этого Нина отдала несколько четких и простых указаний. Мозг нападавшего, перегруженный сигналами от болевых рецепторов, не осилил бы сложных задач. Парень подчинился, и Нина применила обездвиживающий захват, чтобы удержать преступника на месте, пока прохожий звонил копам. Ее собственный мобильник разбился во время схватки.

– Здесь копия отчета, составленного полицией округа Фэрфакс. – Ингерсолл открыл папку. – Вы видели новости? Читали, что пишут в интернете?

Нина перевела взгляд с одного начальника на другого.

– Мой телефон разбился, а телевизор я утром не смотрела. Что-то случилось?

Ингерсолл взглянул на бумаги.

– Райан Шеффер подстерегал вас не в одиночку.

– Полицейские рассказали мне, что у него был подельник, – Нина кивнула. – Шеффер его сдал, и парня быстро задержали.

Глава отделения перелистнул страницу.

– А в курсе ли вы, что этот приятель, прежде чем удрать, производил съемку на смартфон?

– Нет. – От удивления Нина открыла рот.

Ингерсолл улыбнулся уголком губ, однако его взгляд остался холодным.

– Как сказала бы моя дочь, вы попали в тренд.

– То есть? – У Нины возникло странное чувство, будто она пришла на спектакль после антракта и тщетно пытается понять сюжет.

– Кто-то отредактировал видео, наложив на него музыку из фильма «Чудо-женщина». – Коннер едва заметно качнул головой. – После этого ролик стал вирусным.

– Странно, что вы не знаете, – удивился Ингерсолл.

– Вы сразу вызвали меня к себе, – Нина развела руками. – Я не успела ни раздобыть телефон, ни включить рабочий компьютер.

– Парень, смонтировавший ролик, посулил награду тому, кто опознает женщину на видео, – продолжил Ингерсолл. – И сегодня рано утром всплыло ваше имя. Теперь службу по связям с общественностью осадили репортеры – просят директора дать комментарий.

У Нины голова пошла кругом. Директора ФБР – человека, под началом у которого почти сорок тысяч сотрудников, – донимают расспросами о ее злоключениях!

– Господи! – ахнула она.

– Впрочем, я вызвал вас не поэтому, – продолжил начальник отделения.

Нина снова поглядела на него, не понимая, что еще могло случиться.

– Минувшей ночью произошло убийство, и на месте преступления – в проулке возле Эм-стрит – виновник оставил послание. У нас есть основания полагать, что оно адресовано вам.

По спине у Нины пробежал холодок.

– Кто жертва?

Ингерсолл остановил ее взмахом руки.

– Вначале я хотел бы кое-что прояснить. – Он сдвинул брови. – Вы законно сменили фамилию Эсперанса на Геррера десять лет назад?

Вихрь мыслей в ее голове понесся в другом направлении.

– Я сделала это, когда меня признали полностью дееспособной. В семнадцать лет.

Ингерсолл и Коннер обменялись многозначительными взглядами. Похоже, Нина подтвердила их догадки. Окончательно запутавшись, она вздернула брови, ожидая разъяснений.

– Понимаю, вопрос очень личный, – произнес Ингерсолл, – однако он напрямую связан с тем, что нам предстоит обсудить.

– Судебные протоколы в подобных случаях засекречены, – добавил Коннер. – Мы уже запросили доступ, но сперва хотим, чтобы вы, Нина, сами нам все рассказали. Вы подали прошение об эмансипации, когда сбежали от опекунов?

– Да. – Она облизнула пересохшие губы.

– Это случилось после того, как вас... похитили? – спросил Ингерсолл, не глядя ей в глаза.

Похоже, он обо всем знал. Нина сцепила руки на коленях и крепко стиснула пальцы.

– Мне было шестнадцать, – отчеканила она и холодным, бесстрастным голосом поведала о самых мучительных событиях своей жизни: – Я тогда сбежала из приюта, жила на улице. Ночью неподалеку остановился фургон. Вышел мужчина и... схватил меня. Швырнул в кузов, связал...

Нина не стала озвучивать, что случилось потом. Подробности нескольких часов, проведенных с похитителем, невысказанным грузом повисли в тишине.

– Утром я смогла сбежать, – оборвала она рассказ, а затем обратилась к Ингерсоллу: – Как это относится к делу?

– Минувшей ночью в Джорджтауне[6 - Джорджтаун – район, расположенный на северо-западе Вашингтона, округ Колумбия, вдоль берега реки Потомак.] убили шестнадцатилетнюю девушку. Она сбежала от приемных родителей, – тихо произнес начальник отделения и еле слышно добавил: – Тело нашли в мусорном контейнере.

– Делом занялась местная полиция, – подхватил Коннер. – Убийца затолкал в рот жертве послание. Криминалисты извлекли бумажку, поместили в пакет и запечатали.

Нина в красках представила себе сцену преступления, и боль, таившаяся глубоко внутри, чуть не пробилась наружу. Жизнь юной девушки оборвалась, а монстр по-прежнему бродит по городу, выискивая новую жертву...

Ингерсолл достал из папки очередной лист.

– Послание было напечатано на обычной бумаге для принтера. – Он извлек из нагрудного кармана очки, встряхнул, чтобы отогнуть дужки, и водрузил на нос.

С замиранием сердца Нина выслушала слова убийцы.

– «Я искал много лет и уже думал, что потерял Надежду. Но сегодня все изменилось. Теперь она зовет себя Воительницей. Для меня же она навсегда останется Той, что ускользнула...

Ингерсолл взглянул Нине в глаза.

– Ниже идут три пустые строчки, а в конце – еще одно слово заглавными буквами.

Она затаила дыхание, и шеф дочитал:

– «...Ненадолго».

Глава 4

Как в тумане, Нина взяла протянутое Ингерсоллом послание. Лист подрагивал в руках, пока она пробежала глазами строчки, которые, несомненно, предназначались ей.

Одно мгновение – и она вновь в темном затхлом фургоне. Рот заклеен скотчем, вместо криков – сдавленное мычание...

Понимая, что боссы внимательно наблюдают, Нина подвигала челюстью, будто избавляясь от клейкой ленты, и выдавила единственный по-настоящему важный вопрос:

– Полиция его схватила?

– Пока никого не задержали, – вздохнул Коннер. – Зацепок тоже нет.

Долгие годы Нина боялась, что этот момент настанет. Монстр погиб, надеялась она. Но больше ей себя не обмануть: покинув ночные кошмары, чудовище добралось до нее наяву.

Пытаясь справиться с волнением, она спросила начальников:

– Как вы догадались, что в послании речь обо мне? Там ведь нет имени. Только намек.

– Ваше имя всплыло благодаря третьему подразделению ОПА.

Нина молча обдумала эти сведения. В отделе поведенческого анализа, или ОПА, работали лучшие профайлеры[7 - Профайлеры – специалисты, которые составляют психологический портрет, или профиль, подозреваемого и пробуют предсказать его дальнейшие действия, анализируя индивидуальные особенности – внешность, вербальное и невербальное поведение, и так далее. Этот метод помогает установить личность преступника и чаще всего используется для поиска серийных убийц и насильников.] ФБР. «Охотники за разумом». А третье подразделение расследовало преступления против детей.

– Один агент, что там работает... скажем так, знаком с вашим делом, – тщательно подбирая слова, продолжил Ингерсолл.

– И как он нашел связь? – поинтересовалась Нина, гадая, о ком именно идет речь. – Это же нераскрытое похищение, которое случилось одиннадцать лет назад.

За год до того, как она подала прошение об эмансипации.

Ингерсолл отвел глаза и проронил:

– Нам помог Джефф Уэйд.

На мгновение Нина зажмурилась, прогоняя непрошенные воспоминания. Она надеялась, что больше никогда не услышит о докторе Джефффри Уэйде.

– Я думала, он уже не работает в ОПА.

Уэйд сильно напортачил – да так, что в результате погибла девушка, – и его перевели на службу в академию ФБР. Во всяком случае, этого добивались в суде родственники Чандры Браун.

Чандра сообщила в полицию, что ее преследует мужчина. Копы передали сведения в ФБР, поскольку детали ее рассказа напомнили им о серии нераскрытых убийств, произошедших ранее в столице и соседних штатах. Во всех случаях жертвами были девушки-подростки.

Делом занимался Уэйд. Изучив заявление, составленное Чандрой, он решил, что оно не имеет отношения к его расследованию, и отправил девушку обратно в полицию. Спустя сутки Чандру нашли мертвой. Как впоследствии выяснилось, ее убийство все-таки было связано с остальными.

Уэйд считался одним из ведущих профайлеров, поэтому репутация Бюро пострадала весомо. Родители, потерявшие дочь, вместе с юристом дали несколько интервью, каждый раз открыто обвиняя органы правопорядка. Уэйд взял отпуск, поручив текущие дела коллеге из ОПА, а когда приехал, попросил перевода на другую должность. Поговаривали, что у легендарного профайлера окончательно сдали нервы – еще бы, двадцать лет он гонялся за подонками, которые ломали жизнь детям... Выходит, молва ошибалась и Уэйд все-таки вернулся в свой отдел.

– Его перевели в академию лишь на полгода, – объяснил Коннер.

– Учитывая странный текст послания, – помолчав, продолжил Ингерсолл, – полицейские из отдела убийств загрузили отчет в базу данных ФБР по насильственным преступлениям – вдруг кто-то расследовал похожий случай? Так

Уэйд и наткнулся на эти сведения.

– К тому же он, как и все Бюро, посмотрел видео с вашим участием, – добавил Коннер. – Так что сразу про вас вспомнил.

Кто, как не Уэйд, мог собрать эту мозаику? Он не просто знал о прошлом Нины. Этот человек чуть не помешал ей стать агентом ФБР.

Насколько Нина могла судить, еще никого не подвергали такой скрупулезной проверке, какую прошла она при поступлении в Академию ФБР. Когда допрос на полиграфе выявил, что она, возможно, солгала о своем прошлом, Шона Джексон – исполнительный помощник директора – пригласила доктора Уэйда, дабы тот вынес экспертное заключение. Шона, одна из немногих, отчитывалась непосредственно перед директором ФБР. Мало кто из руководящих кругов занимался проверкой кандидатов, и только Шона искренне интересовалась процедурой.

Изучив результаты допроса на детекторе лжи и досье, Уэйд вызвал Нину на собеседование, где потребовал рассказать, почему она подала прошение об эмансипации и что означает ее новая фамилия. Он не успокоился, пока не снес все внутренние барьеры, которые Нина тщательно возводила.

Уэйд вынудил ее выложить все о побоях от старших детей-сирот, считавших крохотную девчущку легкой добычей. Заставил в мельчайших деталях рассказать про ночь похищения – содрал корку, защищавшую разум, обнажив кровоточащую рану. Нина шептала, каково это, когда в тебя тычут зажженной сигаретой, а Уэйд бесстрастно наблюдал, делая пометки в блокноте. Она дрожала и запинаясь, а на лице у профайлера не отражалось никаких эмоций. Он молча ее оценивал. Ему поручили выявить, не скрывает ли Нина важные детали, и она чувствовала: он жаждет ее надломить. Ждет, что она сорвется, расплачется. Он вскрыл ее душу и с интересом копался в самом сокровенном.

В конце концов Уэйд заключил, что во время допроса на полиграфе Нина не лгала – просто намеренно вытеснила из памяти детали пережитой травмы. Однако в ее прошлом оставались темные пятна. Как он считал, это делало ее неблагонадежной – превращало в часовую бомбу, готовую рано или поздно взорваться. Лишь благодаря вмешательству Шоны Джексон ее все-таки приняли в академию. С тех пор Нина трудилась усерднее всех, стремясь доказать, что

доктор Джеффри Уэйд серьезно ошибся уже дважды. А еще, что он – самодовольный гад.

– Вы будете работать с Уэйдом напрямую, – объявил Ингерсолл.

Нина едва не вскочила со стула. Ей захотелось рвануть домой и забыться сном. Вдруг после пробуждения все станет как прежде?

– Держитесь подальше от прессы, – посоветовал Коннер, – и вообще от публики. Уэйд уже приехал из Куантико в Джорджтаун. Прибыл на место преступления около получаса назад. Там и встретитесь.

Боссы назначили ей в напарники человека, который безжалостно, будто патологоанатом, препарировал ее душу, – человека, который не хотел, чтобы она работала в ФБР.

«Откажись, – шепнул Нине внутренний голос, – никто тебя за это не осудит».

Усилием воли она притворилась спокойной. Незачем боссам знать, чего ей стоит это назначение.

– Хорошо. Беру служебную машину – и в Джорджтаун.

Глава 5

Нина подошла к полицейскому, охранявшему периметр.

– Что-то вы припозднились, – бегло взглянув на ее документы, проронил коп.

Работа на месте преступления кипела с рассвета, поэтому мало что осталось нетронутым.

– Лучше поздно, чем никогда. – Пригнувшись, Нина нырнула под желтую ленту, протянутую вдоль границ участка.

Фургон криминалистов из вашингтонской полиции притулился у тротуара; из зарешеченного окошка в кузове открывался вид на разрисованные баллончиками мусорные контейнеры. Нина пригляделась к группе мужчин, собравшихся позади переносной ширмы в четыре фута высотой: одни были в полицейской форме, другие – в белых комбинезонах из тайвека[8 - Тайвек – прочный нетканый материал, разработанный компанией «Дюпон». Изготавливается из полиэтилена высокой плотности и обладает влагонепроницаемостью, легкостью, а также стойкостью к механическим и химическим воздействиям.], третьи – в деловых костюмах.

Она сразу узнала специального агента Уэйда: долговязый, на темно-синей ветровке ярко выделяется золотая надпись «ФБР». Повернувшись, он окинул Нину мрачным взглядом человека, который слишком много повидал на своем веку. Серые как сталь глаза словно пригвоздили ее к месту, зловеще напомнив о состоявшемся два года назад собеседовании.

Нина решительно шагнула к Уэйд и протянула ему руку. Формально он – главный, однако помыкать собой она не позволит.

– Доброе утро, доктор Уэйд!

Нина давно заметила, что люди, всеми правдами и неправдами добившиеся научных высот, любили, когда упоминают их ученую степень.

– Просто Уэйд, – хрипло ответил профайлер.

Его голос идеально сочетался с хмурым лицом, а ладонь, на удивление, была шершавой от мозолей. Уэйд предпочел обращение по фамилии, тем самым обозначив профессиональную дистанцию. Нину это вполне устраивало.

– Геррера, – представилась она в ответ.

– А это детектив Майк Стэнтон. Работает в отделе убийств Центрального полицейского управления города Вашингтон.

Стэнтон помахал рукой.

– Давайте условимся, – продолжил Уэйд, понизив голос, – если вам станет не по себе – сразу говорите.

– Конечно, – глядя ему в глаза, солгала Нина.

Ей уже было не по себе.

– Всё, хватит церемоний, – одернул себя Уэйд, настраиваясь на рабочий лад. – Мы и так потеряли много времени. Жду ваши соображения по делу, и поскорее.

Нина подошла к ширме – чтобы не только осмотреть место преступления, но и отделаться от сверлящего взгляда коллеги.

– Тогда приступим.

– Погодите, – преградил ей путь Стэнтон. – Прежде чем осмотрите тело... Не могли бы вы описать, на какой машине он приехал, когда... – Детектив смущенно переступил с ноги на ногу. – Когда напал на вас?

Вопрос закономерный. Если человек специально оборудовал фургон для похищений, он может использовать его долгие годы.

– У него был синий «Форд Эконолайн», – отчеканила Нина и в ответ на удивленный взгляд пояснила: – Я узнала марку и модель по фотографиям, которые полиция показала мне после инцидента.

«Инцидент». Она намеренно выбрала это безликое слово.

Стэнтон едва заметно кивнул.

– Может, какие-то еще детали?

– Самый обычный фургон. Ничего особенного. Во всяком случае, внешне. – Нина сглотнула слюну, смочив пересохшее горло. – А внутри я увидела голый каркас. Даже на полу не было обшивки – только черный виниловый коврик. Похититель заломил мне руки за спину и скрепил запястья скотчем. Лодыжки – тоже.

Уэйд и Стэнтон молчали. Видимо, ждали дальнейших подробностей.

– Сзади имелись небольшие округлые окошки. Примерно такие. – Она очертила в воздухе круг размером с обеденную тарелку. – Стекла закрашены черной краской из баллончика.

– Как открывался кузов? – спросил Стэнтон.

– Двустворчатая дверца. Прежде чем меня запереть, похититель закрыл левую створку, затем – правую.

– В отчете это не указано, – заметил Уэйд.

– Таких деталей немало, – Нина пожала плечами. – О чем-то меня не спросили, что-то забыли записать. А я до сих пор помню почти все.

– Почти? – Профайлер приподнял седую бровь.

Нина молча выдержала его взгляд. Подобные расспросы чуть не лишили ее шанса поступить в академию. На этот раз оправдываться она не станет.

– Да, отдельные моменты я не помню. В общем-то и не старалась запомнить.

Повернувшись к Стэнтону, она продолжила рассказ о машине похитителя:

– Мотор работал тихо. Ни хлопков в выхлопной трубе, ни прямоточного глушителя – ничего привлекающего внимание. – Нина все глубже погружалась в расселины памяти. – Он вез меня около получаса, затем остановился. Посреди фургона стояла перегородка, поэтому похитителю пришлось выйти, обогнуть машину и открыть дверцы кузова.

– Что вы увидели? – спросил Уэйд.

Монстра в человеческом обличье.

– Мне показалось, что мы в лесу. Солнце еще не взошло, и я различила лишь темные силуэты деревьев. Больше ничего.

Стэнтон вытащил мобильник и, отвернувшись, заговорил вполголоса. Нина разобрала, что он просит диспетчера объявить в розыск описанный ею автомобиль. Шансы невелики, но попытка не пытка.

– Ладно, с машиной разобрались. – Уэйд повернулся к Нине. – Работа на месте преступления почти закончена. Тело еще не увезли – ждали вас.

Он боком протиснулся за ширму, скрывавшую труп. Шагнув следом, Нина сразу поняла, зачем полиция поставила барьер.

Длинные черные волосы жертвы веером рассыпались по асфальту, на правом боку темнела запекшаяся кровь. Девушка лежала на спине, полностью обнаженная; руки и ноги непристойно раскинуты в стороны.

Присев на корточки, Нина всмотрелась в остекленевшие карие глаза. Затем перевела взгляд ниже, заметив на верхней губе у жертвы клочки серебристой клейкой ленты.

Стоявший позади Уэйд кратко ввел Нину в курс дела:

– Ее нашел помощник официанта из кафе напротив – около трех часов ночи, когда заведение закрылось. Парень выбрасывал накопившийся с вечера мусор и заметил в контейнере тело. Он подумал, что девушка еще жива, вытащил ее и, только сорвав с губ скотч, понял, что она уже не дышит.

Договорив по телефону, детектив Стэнтон присоединился к коллегам.

– Убийца затолкал в рот жертве полиэтиленовый пакет с бумажкой, после чего залепил ей губы скотчем. Очевидно, не хотел, чтобы послание выпало.

Нина кивнула. Убийца действовал наверняка. Ей в голову пришла догадка, от которой по спине поползли мурашки.

– Ваши криминалисты уже переворачивали тело? – спросила она у Стэнтона.

Покосившись на Уэйда, детектив ответил:

– Переворачивали. Где-то за полчаса до вашего приезда. Затем труп вернули в первоначальное положение.

Стараясь не выдать волнения, Нина обдумала услышанное. Преступник оставил ей сообщение – а значит, предвидел, что ФБР подключит ее к расследованию.

– «Я искал много лет и уже думал, что потерял Надежду, – пробормотала она, наклонив голову, дабы рассмотреть жертву с другого ракурса. – Но сегодня все изменилось». – Взглянула на Уэйда. – Значит, теперь он вновь обрел надежду. Как именно?

Коллега пристально посмотрел в ответ:

– А вы как думаете?

Он не спешил делиться выводами, пока Нина не озвучит свои. Отвернувшись, она опять склонилась над телом. Как долго убийца измывался над бедной девушкой?

Внезапно Нина заметила металлический отблеск и прерывисто вздохнула.

– Вы в порядке, Геррера? – Голос Уэйда прозвучал обеспокоенно.

– Кулон, – с трудом выдавила она.

Монстр снова доказал, что в любой момент может выбить почву у нее из-под ног.

На грязном тротуаре, возле головы жертвы – там, где разметались спутанные волосы, – блестела ромбовидная подвеска. От нее тянулась длинная цепочка, охватывавшая тонкую девичью шею. Этот кулон из разноцветных пластиковых бусин был на Нине в день похищения. Она вгляделась в узор из концентрических ромбов. Сомнений не осталось.

Усилием воли Нина прогнала подступившие слезы.

– Этот кулон... мой, – прошептала она.

– Вы уверены? – удивился Стэнтон.

– В пятнадцать лет я сама смастерила его на уроке рукоделия. Это древний орнамент, называется «ojo de dios». «Глаз бога».

Стэнтон подозревал одного из криминалистов.

– Можете покрупнее сфотографировать украшение, а потом скинуть снимки мне на телефон?

Притворившись, что осматривает асфальт возле трупа, Нина отвернулась: решила выгадать немного времени и прийти в себя. Она не покажет своего смятения Уэйд.

– Хотите воды? – спросил профайлер. – У меня с собой запасная бутылка.

– Нет, я в норме.

Снова ложь. Нина почувствовала, что коллега ее раскусил. Впрочем, плевать. Она еще раз обдумала факты и пришла к единственному выводу, который все расставлял по местам.

– Убийца повторил то, что проделал со мной.

Наблюдавший за фотографом Стэнтон обернулся.

– То есть?

– Сколько отметин вы обнаружили на спине у жертвы? – сложив руки на груди, спросила Нина.

– Как вы узна... – начал Стэнтон, но Уэйд его перебил:

– Двадцать семь.

Столько же шрамов испещряли ее собственную спину. И как только убийца запомнил их количество? Отметины появились до похищения, однако монстра они заворожили. Нина едва не содрогнулась, вспомнив, как холодный палец скользил по ее коже, поглаживая каждую неровность.

– А еще у жертвы на спине три ожога, – предположила она.

Уэйд не ответил. Его молчание походило на проверку, словно он все еще прикидывал, способна ли Нина помочь расследованию. Взглянув на него, она пояснила:

– Три ожога от сигареты – три вершины треугольника. Такие же отметины он поставил мне... – Отвернувшись, сделала вид, что внимательно осматривает каждый дюйм тротуара. – Нужно еще поискать. Могут быть другие зацепки.

Нина сама не понимала, что именно хочет найти, пока не обратила внимание на мусорный контейнер, расписанный граффити. В левом нижнем углу на выщербленном металле выделялись символы, нанесенные ядовито-голубой краской из баллончика. В верхней строке – «НГ» и двоеточие.

У Нины возникло нехорошее предчувствие. Опустившись на корточки, она прищурилась. Уэйд присел рядом, хрустнув коленями.

– Похоже, краска свежая.

– Мой похититель носил голубые латексные перчатки. Такого же оттенка, – заметила Нина.

Уэйд скептически поднял бровь.

– Хотите сказать, и здесь тайное послание?

– Два он уже оставил: записку и кулон. И оба предназначались мне. – Она задумчиво наклонила голову. – Что, если «НГ» значит «Нине Геррере»? А после двоеточия идет само сообщение?

Они с Уэйдом наклонились ближе.

Средняя строка содержала цифры: «15, 1, 5, 6, 8, 5, 1».

Нижняя: «14, 6, 18, 20, 3, 1».

– Другие два послания были надежно закреплены на теле жертвы. Как будто убийца хотел, чтобы мы их непременно обнаружили. А это, – Уэйд махнул в сторону контейнера, – не вписывается в схему. За исключением цвета, надпись ничем не выделяется среди других граффити, которыми тут изрисованы все стены. Автор не мог знать наверняка, что мы ее найдем.

– Мы и правда ее проглядели, – проворчал Стэнтон.

Нина не заметила, как детектив вернулся. Он снова подозвал криминалиста и с легкой досадой велел сфотографировать каждый закоулок.

– Тьфу! – воскликнул вдруг Уэйд и, вскочив на ноги, выхватил из кармана мобильник.

– Что такое?

Профайлер не ответил и уткнулся в телефон, переводя взгляд с экрана на голубые цифры и обратно.

– Вот ведь сукин сын! – буркнул он.

– Да в чем же дело? – Нине захотелось схватить пожилого коллегу за воротник и хорошенько встряхнуть.

– Это шифр простой замены[9 - Шифр простой замены – метод шифрования, при котором каждому символу в зашифрованном тексте соответствует единственный символ-отгадка. Например, как в данном случае, каждую букву заменяет ее порядковый номер в алфавите.]! – наконец объяснил тот. – Самый элементарный. Теперь я уверен: надпись оставил убийца.

– Что он написал?

– «Надежда мертва».

– Ни хрена себе! – вырвалось у Стэнтона. – Кстати, агент Геррера, как только вы пришли, я сразу заметил одну вещь. Я не стал об этом говорить; подумал – показалось...

– Вы о чем? – встрепенулась Нина.

– Посмотрите, – детектив указал на бездыханную фигуру на асфальте. – Она очень на вас похожа.

Нина отступила на пару шагов и попыталась взглянуть на девушку отстраненно. Латиноамериканка. Худощавая, маленького роста.

Стэнтон прав. И почему она не обратила внимания? Должно быть, ее отвлекло то, что убитая намного моложе, совсем ей незнакома и прежде всего – мертва.

– Впрочем, у жертвы длинные волосы, – заметил Уэйд. – Убийца обстриг бы ее коротко, если б хотел создать копию.

– Нет, – тихо возразила Нина. – Он специально не стал. Тогда у меня были длинные волосы, как у нее. Я завязывала их в хвост. Похититель за волосы затащил меня в фургон.

Той ночью, как только Нину отпустили из больницы, она вернулась в приют, забралась под душ и стояла, пока не иссякла теплая вода. Затем подошла к зеркалу в ванной, глотая слезы и влагу, стекавшую с волос. Хватая одну мокрую прядь за другой, беспощадно обкорнала их кухонными ножницами. С тех пор она всегда носила короткую стрижку.

– Выходит, убийца исполнил задуманное. – Голос Стэнтона вырвал Нину из забытья. – Он понял, что до агента ФБР ему не добраться, поэтому нашел жертву взамен. Завершил начатое.

– Я уже встречал подобную заикленность, – профайлер покачал головой. – Он не просто хотел кого-то убить. Он – одержимый.

Взглянув Нине в глаза, Уэйд прибавил:

– Боюсь, это только начало.

Глава 6

Нина достала из духовки лазанью по-мексикански и, проверив готовность блюда по золотисто-коричневой корочке, обернулась к Шоне Джексон.

– Тебя там не было. Уэйд явно не понравилось, что меня привлекли к расследованию. Держался он холодно. Когда я заметила надпись голубой краской, он не поверил, что символы относятся к делу, пока сам их не расшифровал.

– Похоже, он считает тебя девчонкой на побегушках. Но в твоих силах это изменить. – Шона уселась за стеклянный столик, едва вмещавшийся на крохотной кухоньке.

Квартира, принадлежавшая Нине, располагалась на последнем, четвертом, этаже одного из зданий в неофициальном латиноамериканском квартале Спрингфилда – Франкони. Агенты по недвижимости называли такие каморки «скромными и уютными». Нина, как и ее соседи – в основном уборщицы, повара и озеленители, – с готовностью переехала в дряхлое сорокалетнее здание: благо до столицы было рукой подать.

– И как ты только терпела его на работе? – спросила Нина у гостыи, водрузив форму для выпечки на подставку, чтобы блюдо немного остыло.

В темно-карих глазах Шоны мелькнула грусть.

– Уэйд изменился. Когда-то он был веселым. Заботливым.

– До случая с Чандрой Браун? – Нина села напротив.

– Да, пока Бюро не спустило на него всех собак, – кивнула Шона.

– Ты ведь была исполнительным помощником директора. Почему не вступилась за Уэйда?

– Исполнительный помощник – не директор. Я сделала все возможное, вот только Уэйд... – Шона запнулась, подыскивая нужное слово.

– Сломался, – подсказала Нина.

Шона нахмурилась.

– Порой мы судим себя строже, чем иных преступников. Уэйд винил себя в смерти Чандры. Не мог найти покоя.

– Насколько я слышала, Чандра пожаловалась, что кто-то ее преследует. Уэйд не поверил. А ведь мог ей помочь. Даже помешать убий...

– Ты говоришь совсем как журналисты.

– Ко мне он тоже отнесся предвзято! – вспыхнула Нина. – Не пойму, почему ты его защищаешь.

Шона вздохнула.

– Ты многого не знаешь. Поэтому я и пришла. Нам надо поговорить, – она многозначительно сверкнула глазами, – подальше от любопытных ушей.

Этот взгляд на лице наставницы Нина уже видела три года назад, когда, сидя за этим же столом, Шона предложила ей вступить в ряды ФБР. А впервые они встретились за несколько лет до этого: Нине было шестнадцать, Шона трудилась в отделе поведенческого анализа.

Полиция округа Фэрфакс обратилась за помощью к федералам, чтобы дополнить досье на человека, похитившего Нину. Участок находился всего в часе езды от Куантико[11 - Куантико – город в штате Вирджиния, где располагается крупнейшая база военно-морской пехоты США. На территории базы находятся и федеральные ведомства, в том числе Академия и лаборатория ФБР.], поэтому Шона в порядке исключения решила поговорить с потерпевшей лично. Высокая, элегантная и сдержанная сотрудница Бюро произвела на Нину неизгладимое впечатление. Они сразу же поладили.

Когда стало ясно, что похититель ускользнул, Шона продолжила навещать Нину. Преступник разгуливал на свободе, поэтому Шона связалась с органами опеки и проследила, чтобы новые фамилия и адрес ее юной подопечной нигде не упоминались. Как только суд объявил Нину полностью дееспособной, власти штата перестали ее контролировать. Смена фамилии навсегда осталась частью закрытого слушания суда по делам несовершеннолетних. Эту страницу Нина перевернула.

Профессионализм и отзывчивость Шоны вдохновили Нину устроиться на работу в органы правопорядка. Пока она успешно делала карьеру в полиции, ее наставница дослужилась до руководящих должностей в Бюро. Во многом благодаря Шоне, ее советам и поддержке Нина из жертвы превратилась в защитницу слабых.

– Значит, ты здесь не потому, что я прекрасно готовлю? – улыбнулась Нина.

Шона не поддержала шутливый тон.

– Мне нужно рассказать тебе кое-что про Уэйда. Я не хотела, но раз уж ты будешь с ним работать...

Раздался звонок в дверь.

Мечтая поскорее избавиться от незваного гостя, Нина поспешила в прихожую и отперла замок.

– Hola, mi'ja![12 - Здравствуй, дочка! (исп.) «Mi'ja» – сокр. от «mi hija» – «моя дочка».] – поздоровалась хозяйка соседней квартиры, миссис Гомес; рядом маячила ее приемная дочь Бьянка. – Не знаю, успела ли ты пообедать... Вот,

принесла тебе пару кусочков tres leches[13 - «Три молока» (исп.) – масляный торт, пропитанный тремя видами молока: сгущенным, топленым и сливками.].

Миссис Го держала в руках керамическое блюдо. Она вечно переживала, не голодает ли Нина, поэтому часто угощала ее домашней едой и сладостями. Бьянка же появлялась на пороге всякий раз, когда кто-нибудь из шести братьев и сестер, тоже приемных, начинал ее нервировать, – а случалось это не реже трех раз в неделю.

Следуя заведенному ритуалу, Нина поблагодарила соседок за угощение.

– Gracias[14 - Спасибо (исп.).].

– Ой, да у тебя гости! – заметила миссис Гомес. – Тогда не будем отвлекать...

«Уже отвлекли», – подумала Нина.

– Что случилось, миссис Го?

Соседка смущенно улыбнулась.

– Я хотела испечь эмпанады[15 - Эмпанада – пирожок с разнообразными начинками (в испаноязычных странах).], а плита возьми и сломайся!

– Нам нужен Хайме, – перешла к делу Бьянка, устав от того, что мать ходит вокруг да около. – Позвони ему, Нина. На нас ему плевать, а к тебе он помчится со всех ног. – Она лукаво повела проколотой бровью.

Вздыхнув, Нина отступила на шаг и впустила соседок в прихожую.

– Заходите.

Миссис Го поставила блюдо с тортом на кухонную стойку и застыла со сложенными в мольбе руками, глядя, как Нина достает мобильник и набирает номер управляющего.

– Que pasa[16 - Что случилось? (исп.)], Нина? – сразу ответил Хайме.

– Hola, Хайме! Тут кое-кому...

Миссис Го отчаянно замахала руками и замотала головой.

– ...мне нужно кое-что починить, – поправилась Нина. – Можете зайти?

– Буду через две минуты, bonita[17 - Красавица (исп.)].

Закатив глаза, Нина отложила телефон.

– Он разозлится, когда узнает, – пожурела она миссис Гомес. – Второй раз мне это с рук не сойдет.

– Я уже ему звонила – без толку. – Соседка вздохнула. – Глаза б мои не видели еду из микроволновки... – Женщина поморщилась, словно речь шла о токсичных отходах.

– Ого! – воскликнула Бьянка, заглянув Нине за спину, чтобы получше рассмотреть Шону. – Вас, случайно, по телику не показывали?

– Шона Джексон, – встав из-за стола, представилась женщина. – Да, вчера я снималась в вечерних новостях.

Полгода назад Нина с тяжелым сердцем узнала, что ее наставница покидает ФБР. Агенты обычно отправлялись на покой в пятьдесят семь лет, иногда задерживались до шестидесяти. Шоне же в пятьдесят два представилась возможность проявить себя в другой области, и она этот шанс не упустила. Большинство агентов, покинув Бюро, подавались в аналитику, консалтинг или в сферу безопасности. Их опыт, заработанный по?том и кровью, высоко ценился на рынке. Некоторым же, кто сочетал в себе талант и харизму, сам бог велел идти на телевидение и выступать экспертами в новостных передачах.

Несколько месяцев назад, когда все заголовки страны трубили о белых полицейских, стрелявших по безоружным чернокожим, журналисты завалили Шону просьбами дать интервью. Еще бы – афроамериканка, добившаяся самых

больших высот за всю историю ФБР! Солидная должность и опыт в расследовании случаев нарушения гражданских прав внушали доверие к ее словам. А недавно один из крупнейших телеканалов нанял ее ведущим консультантом.

Миссис Го бросилась к Шоне и горячо пожала ей руку.

– Вы еще красивее, чем на экране!

Не успела та ответить, как раздался громкий стук. Стиснув зубы, Нина впустила очередного гостя.

– Hola, bonita! – воскликнул Хайме, благоухая «Олд спайсом». – Что стряслось?

– Плита... – От едкой парфюмерной отдушки у Нины заслезились глаза.

– Все четыре конфорки сломались? – спросил управляющий. – Или только одна?

– Это вам миссис Гомес расскажет.

Хайме оглядел кухню, и уголки его губ резко опустились.

– Hola, Хайме! – Бьянка помахала ему средним пальцем.

Мужчина сердито взглянул на Нину:

– Это уже ни в какие ворота, bonita. Ни в какие ворота.

– Значит, нашу плиту вы чинить не будете? – возмутилась Бьянка. – Мы готовим в микроволновке, Хайме! Только представьте, – она понизила голос, дабы передать весь ужас ситуации. – Буррито из супермаркета! Да еще и в микроволновке!

Скривившись, Хайме буркнул:

– Ладно.

Он вышел вслед за миссис Го и ее дочкой, бормоча что-то вроде: «Pinche[18 - Долбаная (исп.).] плита!»

Нина закрыла за ними дверь.

– Мне нравятся твои соседи, – едва сдерживая смех, заметила Шона.

– Ты и с половиной незнакома! – Нина улыбнулась. – Живу будто с оравой чудаковатой родни.

– Давно бы уже сняла квартиру где-нибудь в центре... Средства-то позволяют, – проворчала Шона и, спохватившись, добавила: – Только не обижайся.

В ответ Нина рассмеялась:

– На что тут обижаться? Мне здесь нравится. В похожих квартирках я провела все свое детство.

Она не стала упоминать, что намеренно выбрала латиноамериканский квартал, дабы не утрачивать связь с земляками. Проведя детство в приемных семьях, Нина порой тосковала по своим корням. Чтобы примириться с этим, она изучала в школе испанский язык, а также общалась с гватемальцами, пуэрториканцами, сальвадорцами, перуанцами, мексиканцами и колумбийцами.

Переехав в нынешний дом, она познакомилась с миссис Гомес – чилийкой по происхождению, отчасти заменившей ей приемную мать. Женщина рассказала Нине много полезного о кулинарии и, конечно, о чилийском вине, которому, по ее словам, «французское пойло в подметки не годится». Впрочем, Нина сомневалась, что соседка пробовала французское вино.

Нарезая лазанью, Нина вернулась к изначальной теме разговора:

– Ты, кажется, хотела поговорить о Джеффри Уэйде?

Улыбка исчезла у Шоны с лица.

– Когда тебя принимали в академию, Уэйда временно отстранили от работы в ОПА.

Это еще мягко сказано. Одни говорили, что он нашел утешение на дне бутылки, другие – что похудел на 30 фунтов[19 - 30 фунтов = 13,6 кг.], хотя и так гремел костями, а по мнению некоторых, часть отпуска профайлер провел в психушке. Нина во всем этом сомневалась – тем не менее репутация Уэйда пострадала ощутимо.

Шона задумчиво смотрела в одну точку, собираясь с мыслями. Нина ее не торопила, молча раскладывая ароматную лазанью по тарелкам.

– Есть еще одна причина, отчего Уэйд не хотел, чтобы тебя приняли в Бюро. Кроме меня, об этом мало кто знает.

Предчувствуя неладное, Нина тяжело опустилась на стул.

– У Джеффри была младшая сестра, – вздохнула Шона. – В четырнадцать лет девочку похитили. Полицейские нашли ее через несколько дней. Физически она не пострадала, однако...

Нина уставилась на свои руки. Она давно гадала, почему Уэйд, устроившись в отдел поведенческого анализа, занял относительно новую на тот момент должность, связанную с преступлениями против детей. Теперь она знала ответ.

– Что случилось с его сестрой?

– В двадцать лет она приняла смертельную дозу таблеток, – качнув головой, ответила Шона. – Если верить Джефффу, она так и не оправилась от потрясения.

Так вот в чем дело.

– Он решил, будто и я закончу так же! – ни капли не сомневаясь, воскликнула Нина. – А работа в ФБР меня к этому подтолкнет!

Шона примирительно подняла руку.

– Представь себя на его месте. В Бюро приходит новенькая, пережившая нечто похуже, чем иные жертвы преступлений, которыми занимается его отдел. А тут еще сестра...

– Выходит, я виновата в том, что не опустила руки и стала копом? – Нина указала вилкой на Шону. – Я ведь четыре года проработала в полиции, прежде чем пошла в ФБР!

– Уэйд просто тебя оберегал. – Шона отрезала кусочек лазаньи.

– Скорее не хотел подтверждать, что я психически здорова. Вдруг лет через пять я слечу с катушек, а на бумажке – его подпись! – Нина насмешливо фыркнула. – Он еще хуже, чем я думала.

– Дело не только в этом... – Немного замявшись, Шона продолжила: – В твоём досье говорилось, что с тобой бывает... непросто. Ты не всегда ладишь с окружающими. Даже трудясь в полиции, ты предпочитала действовать в одиночку. У нас в Бюро так не принято.

Нина не нашлась с ответом. Она ненавидела секретные досье. Всю ее жизнь раскладывали по папкам чуть ли не с самого рождения. Если ты – обычный ребенок, никто не записывает каждый твой шаг, каждый нюанс твоего поведения. Другое дело – дети из приюта. На тех, кого считают «трудными», заводят самые подробные досье.

– Как я уже рассказывала, Уэйд был моим напарником в ОПА, – сменила тему Шона. – Но кое-чего ты не знаешь. Когда меня повысили и перевели в другой отдел, мы с Джеффри какое-то время... встречались.

– Стоп... Что? – Нина не могла представить эту парочку вместе.

– Я же говорила – тогда он был другим. – Шона прожевала кусочек лазаньи, раздумывая, все ли стоит рассказывать. – Когда ты устраивалась в ФБР, мы с Уэйдом уже расстались. Тем не менее он знал, что это я уговорила тебя подать заявку. В общем, Джеффри сообщил мне, что не поддержал твою кандидатуру. – Шона нахмурилась. – И тогда я обратилась напрямую к директору.

– Знаю, – кивнула Нина. – Некоторые коллеги тоже знают и до сих пор считают меня твоей протее. Уэйд, наверное, тоже.

В комнате витали ароматы тмина и жареного лука. Шона положила вилку на край тарелки и, прищурившись, взглянула на Нину.

– Я вмешалась, потому что Бюро нужны такие как ты. Как мы.

Нина молчала, и Шона с горячностью продолжила:

– Большинство сотрудников ФБР – белые мужчины. Когда я начинала, они едва ли воспринимали женщин-агентов всерьез. Представь, как сложно пробиться женщине, да еще и темнокожей! Я, как и ты, трудилась не покладая рук, чтобы убедить всех, кто меня недооценивал. Бралась за самую дерьмовую работенку, вызывалась на дерьмовые задания, таскала дерьмовое снаряжение... Я все стерпела, ведь моей целью была должность, которая поможет расчистить дорогу другим. Я прошла этот путь ради тебя и не стану за это извиняться! Ни перед тобой, ни перед кем-либо еще! – закончила она, тяжело дыша.

Прежде Шона не рассказывала, как начиналась ее карьера. О дискриминации и стеклянном потолке, о который она не раз билась головой по дороге к успеху.

– Я даже не подозревала, каково тебе пришлось, – прошептала Нина. – Спасибо за все.

Примирительно кивнув, Шона продолжила:

– Я сказала директору, что мы не должны вменять тебе в вину твою стойкость и выдержку. К тому же ты четыре года проработала в полиции, и в твоём личном деле – ни одной жалобы. – Она вновь взяла вилку и пронзила лазанью на тарелке, словно та ее чем-то обидела. – А затем пришлось прибегнуть к последнему средству. – Опустила глаза. – Директор знал, что раньше мы с Уэйдом служили в одном отделе, и я поставила вердикт Джеффри под сомнение. Мол, как бывший психолог-криминалист, я подозреваю, что на его решение повлияли проблемы личного характера.

– Черт...

– Я обвинила в некомпетентности напарника – мужчину, которого когда-то любила и за которого переживала всей душой, – потому что поверила в тебя, Нина. – У Шоны в глазах заблестели слезы. – И я поступила бы так снова... Ведь это правильно.

– Тяжело тебе пришлось. – Смутившись, Нина протянула руку и сжала ладонь наставницы. – И как отреагировал директор?

– А что он мог сказать? Последние записи в личном деле Уэйда говорили не в его пользу. Из-за нестабильного состояния его временно отстранили от работы в ОПА. А ты, напротив, показывала образцовые результаты. Баллы на вступительных тестах были близки к максимальным. Допрос на полиграфе не выявил лжи – лишь недосказанность по нескольким пунктам, что, по мнению Уэйда, объяснялось пережитой травмой. Да и твои успехи в крупном отделении полиции говорили сами за себя. В общем, – заключила Шона, – директор одобрил твою кандидатуру.

– Вот почему Уэйд так со мной держится... – Нину вновь захлестнула обида. – Он по-прежнему считает, что мне не место в ФБР!

– Прости за эти откровения, но раз уж вы теперь напарники...

– И как мне работать с Уэйдом, если я ему не доверяю?

– Так и работать, – вздохнула Шона. – Конечно, можешь отказаться, но если все-таки продолжишь – теперь, по крайней мере, тебе известен расклад.

Подумав, Нина с предельной ясностью поняла, что этот расклад ей давно уже привычен: она – одна.

Платой за допуск к самому важному расследованию в ее карьере станет партнерство с агентом, который чуть не помешал ей работать в Бюро. «Так нечестно», – хотела сказать Нина. Но говорить не стала. Они с Шоной понимали это без слов.

Под пристальным взглядом наставницы Нина произнесла:

– Если мне дают выбор: принять бой или отсидеться в сторонке, – я сражаюсь. Всегда.

Глава 7

Внимательно осмотрев рассечение над левым глазом, боец, известный под прозвищем О?дин[20 - О? дин – верховный бог в германо-скандинавской мифологии, отец и предводитель асов, мудрец и шаман, знаток рун и саг, царь-жрец, колдун-воин, бог войны и победы.], взял иглу и проколол ею край рваной раны. Боль нахлынула раскаленной волной – чтобы проверить его на прочность, затравить, одолеть. Не поддавшись, Один протянул хирургическую нить сквозь распухшую плоть.

– Твою ж мать! – выругался позади Соррентино. – Ты и правда ничего не чувствуешь?

Вглядываясь в надтреснутое зеркало, Один проталкивал иглу сквозь противоположный край раны, наблюдая, как вздувается кожа под напором металлического кончика.

– Я все прекрасно чувствую. – Он потянул за нить, стягивая кромки рассеченной плоти. – Просто держу себя под контролем. Сам решаю, реагировать или нет. – Он снова проткнул кожу стальным острием. – Я сам себя укрощаю.

– Кого-кого, а Налетчика ты знатно укротил! – хохотнул Соррентино.

Один позволил себе довольно ухмыльнуться. Эндрю «Налетчик» Беннетт осмелился вызвать его на бой. Теперь этот дурень познавал все прелести разрыва селезенки.

Так испокон веков был устроен кровавый спорт. Наблюдая за боем, толпа вымещала скрытую ярость, а гладиаторы боролись за славу. Правда, у Одина имелось тайное преимущество. Он отличался от других – от всего человечества.

Природа щедро одарила его нужными генами, да и по части упорства ему не было равных. Больше ни в ком так не сочетались физические данные и незаурядность ума. Брызги пота, вкус крови на языке, терпкий запах страха – все это кружило ему голову.

– Ты принес мне много денег, – Соррентино довольно улыбнулся. – Я всегда ставлю на тебя!

Один пропустил лесть мимо ушей. На эволюционной лестнице Соррентино находился где-то между тараканом и жабой, однако в деловой хватке ему не откажешь. Старый пройдоха достаточно разбирался в боях, чтобы верно угадывать победителя.

Сделав последний стежок, Один начал завязывать нить.

Соррентино наблюдал за ним, насупив сросшиеся брови.

– Как ровно зашил! Где ты этому научился?

Один пристально посмотрел на него – и не отвел ледяной взгляд, пока Соррентино смущенно не отвернулся. Убедившись, что тема закрыта, продолжил возиться с узлом.

– Ты свободен в пятницу вечером? – Соррентино перевел беседу в безопасное русло.

Один обрезал кончики нити почти у самой кожи, встал со скамьи и покосился на ряд телевизоров с плоскими экранами, висевших на стене.

– Нет, у меня дела. Я напишу, когда смогу прийти на бой.

Соррентино, похоже, понял, что ловить больше нечего, и, шаркая, поплелся прочь из раздевалки.

Один снова посмотрел на экраны. Спортивные трансляции его не интересовали, в отличие от местных новостей. Запихнув ножницы в аптечку, он сплюнул кровавой слюной на цементный пол.

Новости... Как всполошились бы здешние журналисты, пронюхай они, что мертвая бездомная девчонка связана с сотрудницей ФБР из нашумевшего видео! Нину показывали по всем каналам. Называли героиней. А если люди узнают, что их любимица виновна в смерти девушки?

Один вспомнил, как на видеозаписи Нина отделала в парке какого-то остолопа. Он пересматривал ролик снова и снова. По-прежнему невысокая, она научилась защищаться. Отточила боевые навыки, обзавелась оружием и жетоном ФБР.

Нина Геррера.

Воительница.

Один не знал ее новой фамилии. Искал Нину Эсперансу, однако на семнадцатом дне рождения след обрывался. Должно быть, смена фамилии произошла на закрытом слушании по делам несовершеннолетних, а к подобным протоколам, в отличие от других документов, доступа у него не было.

Долгие годы Нина от него ускользала. Теперь ее ждала кара за все одиннадцать лет.

Прежде чем умереть, она заплатит сполна.

Глава 8

Нина ненавидела секреты. Конкретно этот зудел под кожей, будто гнойник. Он напоминал о себе при каждом появлении Уэйда и грозил рано или поздно вскрыться, окатив ядовитыми брызгами их обоих.

Впрочем, и спорные действия Уэйда, и причины, которые за ними стояли, – все личное отошло на второй план, уступив место поиску «субъекта» – так в ФБР называли неопознанного подозреваемого. Поэтому наутро Нина послушно

последовала за новым напарником в переговорную ОПА, стараясь не вспоминать, что два года назад он, что называется, всадил ей нож в спину.

Нина окинула взглядом собравшихся в кабинете. Во главе стола восседал Джерард Бакстон – довольно известная персона в Бюро.

– Агент Геррера, – обратился к Нине Уэйд, проследив за ее взглядом. – Это старший специальный агент Бакстон, руководитель третьего подразделения ОПА.

Тот кивнул в знак приветствия.

– Я собрал здесь ключевых для расследования специалистов. Давайте начнем наше первое совещание.

Он посмотрел направо – на бледную женщину с копной кудрявых темно-рыжих волос, ниспадающих чуть ниже лопаток. Она сидела выпрямив спину; голубовато-зеленые глаза светились любопытством.

– Келли Брек, – представилась незнакомка. – Меня к вам временно направили из Отдела киберпреступлений, а до этого я занималась экспертизой видеозаписей. – Едва заметный южный выговор придавал ее речи певучесть.

Нина решила не спрашивать, почему сотрудницу киберотдела позвали на собрание ОПА. Бакстон славился нестандартным подходом к расследованиям – который, к слову, приносил плоды.

Коротко стриженный блондин, сидевший рядом с Брек, выглядел так, будто прибыл сюда на задание с ближайшей базы морской пехоты. Очки в черной оправе немного контрастировали с его суровыми чертами.

– Джейк Кент, – назвалса он. – Третье подразделение ОПА.

Нина и Уэйд сели напротив Кента и Брек.

– Давайте обсудим жертву, – без всякой преамбулы начал Бакстон.

Все взгляды обратились к Уэйд, который открыл блокнот в кожаном переплете. Перед остальными лежали электронные устройства, однако старомодные предпочтения коллеги, похоже, никого не удивили.

– Девушку звали София Гарсиа-Фигероа, – начал Уэйд. – Шестнадцать лет, латиноамериканка. Ее мать сейчас в реабилитационном центре, лечится от пристрастия к метамфетамину. Отец в тюрьме, отсидел два года из десяти за распространение наркотиков. Софией с пяти лет занимались органы опеки. Минувшие полгода она жила в приюте, откуда уже трижды сбежала. Последний раз – две недели назад. Надзиратель заметил, что девушки нет в кровати после отбоя, однако разыскивать ее не стал. По словам копов, София начала подрабатывать проституткой. – Уэйд на мгновение поднял глаза. – Как ее мать.

У Нины защемило сердце. Парой скупых предложений коллега обрисовал жизнь, полную мук и одиночества.

Профайлер перевернул страницу.

– Последний раз ее видели около семи вечера на Эм-стрит, в паре кварталов от места преступления.

– Она была там с клиентом? – предположил Кент.

Не успел Уэйд ответить, как Бакстон многозначительно взглянул на Брек. Сотрудница киберотдела поняла его без слов.

– Мы с коллегами изучили видеозаписи, – сообщила она. – Софию засекла камера наблюдения в продуктовом магазинчике. Девушка заходила за сигаретами. Одна.

– Она купила их по поддельным документам? – уточнила Нина.

– Этого не требовалось, – вмешался Уэйд. – Продавец, который работал тем вечером, не слишком-то уважает закон о продаже табачных изделий. Полиция уже взяла прохвоста в оборот.

– Кто обнаружил убитую? – поинтересовался Кент: видимо, его еще не успели ввести в курс дела.

– Хоакин Очоа. – Уэйд снова сверился с записями. – Помощник официанта в ночном клубе «Тройная угроза». Около трех ночи – клуб уже закрылся – парень вынес мусор через служебную дверь и заметил, что из контейнера торчит нога. Благо помойка была заполнена почти доверху, иначе жертва лежала бы на дне и Очоа ничего не заметил бы.

Эту подробность Нина услышала впервые.

– Субъект не просто избавился от трупа. Наверняка он заранее знал, что контейнер будет заполнен. – Она повернулась к Уэйду: – Сколько оставалось времени до приезда мусоровоза?

Профайлер перелистнул несколько страниц.

– Мусор там вывозят раз в неделю. В следующий раз должны были в шесть утра того же дня. – Он кивнул Нине. – Согласен, убийца хотел, чтобы жертву обнаружили.

– Причем именно в мусорном контейнере, – добавила Нина.

Преступник, похоже, все делал с умыслом.

– Это меня и тревожит, – подхватил Уэйд. – Почему он оставил труп в контейнере? Если хотел, чтобы тело побыстрее нашли, то бросил бы его на тротуаре позади баков. Тогда жертва лежала бы незамеченной до шести утра – до приезда мусоровоза с гидравлическим подъемником. Так гораздо логичнее. Хотелось бы выяснить, – профайлер взглянул на Нину, – знал ли он о вашем детстве?

Уэйд задал вопрос с беспристрастностью бывалого детектива, однако его слова ударили Нину наотмашь. По его мнению, убийца оставил кошмарную пародию на ее прошлое – а значит, откуда-то узнал, что младенцем ее оставили в мусорном баке!

Попытавшись скрыть смятение, Нина поспешно ответила:

– Понятия не имею, как он это выяснил. Я ему точно не рассказывала.

– Но кто-то ведь знал? – продолжил наседавать Уэйд.

– О том, при каких обстоятельствах я попала в приют, можно прочитать в моем личном деле. Но сама я никому эту историю не рассказывала.

– То, как убийца поступает с трупом, говорит о многом, – сменил тему Кент, избавив Нину от дальнейших объяснений. – Если преступник обращается с телом бережно, чем-то накрывает, – значит, он знаком с жертвой или хотя бы немного раскаивается. А пренебрежение к трупу означает полное обесчеловечивание жертвы. – Сотрудник ОПА постучал пальцем по столу. – Для нашего подозреваемого София была пустым местом. Он считал, что никакого сочувствия она не заслуживает. Поэтому и оставил ее там, где оставил.

– Верно, – Уэйд кивнул. – Однако здесь кроется что-то еще. Как объяснить записку во рту у девушки и зашифрованное послание на стенке контейнера? И там и там фигурирует слово «надежда», причем из контекста ясно: он намекает на прежнюю фамилию агента Герреры. – Профайлер снова повернулся к Нине: – Откуда субъект мог узнать вашу фамилию?

– Я сама ему сказала.

На мгновение воцарилась тишина, а затем Нина пояснила:

– Он меня заставил. Сперва я назвалась вымышленным именем, однако он меня раскусил. – Она расправила плечи, готовая дать отпор любому, кто осудит ее поведение в шестнадцать лет. – Мерзавец мучил меня, пока я не раскололась.

В тот день он ее сломил. Какая-то часть ее «я» так и осталась сломленной.

Нина сидела как на иголках, а Уэйд продолжил ее расспрашивать.

– Как думаете, похититель сразу понял, что *esperanza* значит «надежда»? Он об этом говорил?

Нина постаралась просеять воспоминания, разложить детали по полочкам.

– Нет. Должно быть, он узнал об этом позже.

Какое-то время все задумчиво молчали. Поскольку беседа приняла нежелательный оборот, Бакстон задал новую тему:

– Совершал ли убийца действия сексуального характера по отношению к Софии?

– Да, он ее изнасиловал. – Уэйд углубился в свои записи. – Кроме того, на спине у жертвы двадцать семь порезов, а также три ожога, похожих на сигаретные. На шее – следы от веревки. Пока неизвестно, в каком порядке преступник нанес увечья; ждем результатов медицинской экспертизы.

Нину замутило.

– По-вашему, он мог изнасиловать мертвую девушку?

– Вскрытие покажет, – Уэйд пожал плечами. – А еще хотелось бы узнать результаты анализа на токсины и экспертизы ДНК.

– Я их потороплю, – пообещал Бакстон.

– Есть предположения, где именно он убил Софию? – спросил Кент.

– Знаю только, что не там, где нашли ее тело, – ответил Уэйд.

Нина задумалась о жизни, которую вела жертва. Не здесь ли скрывался ключ к тайне ее смерти? Как ей удавалось выживать на улице? Проституция – занятие рискованное. Девушка нуждалась в охране. И, скорее всего, как и многие другие, увязла в трясине наркоторговли.

– София состояла в какой-нибудь банде? – спросила Нина, а когда Уэйд удивленно поднял брови, пояснила: – У нее был сутенер? Кто-то снабжал ее наркотиками?

– Полиция это выясняет. Детективы допрашивают всех, кто жил по соседству. Сегодня-завтра со мной свяжется Стэнтон. Пока на этом все.

– А теперь обсудим видеозаписи, – обратился Бакстон к Брек.

Сотрудница киберотдела вздрогнула, явно застигнутая врасплох. Нина посмотрела на новую коллегу с сочувствием. Пожалуй, Бакстон задал собранию слишком быстрый темп.

– Мы просмотрели множество записей из магазинов и с уличных камер на Эм-стрит, – начала Брек, придвинув к себе ноутбук. – В проулке позади ночного клуба камер нет.

– Готова поспорить, убийца знал и об этом, – вставила Нина. – Все остальное он тщательно спланировал – логично, что и место присмотрел заранее.

– Мы изучили все записи за десять часов: начиная с тех, что сделаны за два часа до визита Софии в магазинчик, и заканчивая снятыми в то время, когда помощник официанта обнаружил труп. Если нужно, проведем еще одну проверку, увеличив временной интервал.

– Есть зацепки? – поинтересовался Уэйд.

Брек расплылась в улыбке.

– Смотрите сами.

Она развернула ноутбук, и все подались ближе. На экране призрачно мерцали фонари и неоновые вывески Эм-стрит. Это был квартал ночных тусовок, в какой-то мере злачный: полно автомобилей и прохожих, последние – на разных стадиях алкогольного опьянения.

Брек щелкнула мышкой, и все автомобили исчезли, как и парившие над ними временные отметки. Остались горожане: одни шагали по тротуарам, попадая в круги света от уличных фонарей, другие перебегали оживленную магистраль, лавируя среди машин-невидимок. Каждого пешехода сопровождала отдельная временная отметка.

– Мы применили фильтр распознавания лиц, чтобы выявить жертву, – попутно рассказывала Брек; от волнения ее южный выговор звучал еще отчетливее. – Увы, за все десять часов она на записях так и не появилась.

– Она и не заходила в этот проулок, – заметила Нина. – Ее туда притащили.

– Мы уже выяснили, что мусор оттуда не вывозили несколько дней, – добавил Уэйд. – А значит, убийца не мог доставить труп на мусоровозе. Как же тогда?

Нина прикинула варианты.

– Вы можете подкорректировать параметры поиска и выделить людей с коробками или тележками? Тех, кто занимается доставкой?

– Конечно. Даже могу убрать остальных, – Брек защелкала клавишами. – Готово!

По непривычно пустому тротуару теперь шагали лишь курьеры. Один из них вдруг запнулся, размахивая руками и крича, а затем поспешил через дорогу. Нина усмехнулась, увидев, как мужчина вертит в воздухе средним пальцем: машину, чуть не сбившую бедолагу, стерла программа, и обычная уличная сценка превратилась в пантомиму.

– А можете оставить только тех курьеров, которые направлялись в клуб «Тройная угроза»? – попросил Кент.

Бледные пальцы Брек запорхали над клавиатурой. Еще больше фигур испарилось. Коллеги испытующе взглянули на экран.

– Вон он! – указала Нина.

Грузный мужчина в темной униформе, заметно прихрамывая, вкатил в клуб тележку с объемистой коробкой. Верхнюю половину лица затенял козырек бейсболки, а рот и подбородок скрывала густая борода. Время ускорилося, а затем снова замедлилось, когда бородач выкатил пустую тележку обратно на улицу, после чего неторопливо заковылял по Эм-стрит, пока не исчез из кадра.

– Где его автомобиль? – спросила Нина.

– Сейчас выясню. – Брек ввела новую команду. – А вот и наш голубчик!

Курьер вразвалку подошел к фургону «Форд Эконолайн», распахнул дверцы кузова и протолкнул тележку внутрь.

Увидев машину, Нина оцепенела.

Мужчина, припадая на одну ногу, доковылял до водительской дверцы, с явным усилием протиснулся в кабину и уехал.

– Какой номер? – оживился Кент.

Брек приблизила кадр.

– Номерного знака нет.

– Дорожные камеры! – взволнованно воскликнул Бакстон. – Проследим за ним!

– Пока у меня есть только записи, снятые в пределах двух километров от места преступления. – Фарфоровые щеки Брек слегка порозовели. – Я увеличу радиус поиска. Теперь, когда известна машина подозреваемого, мы ее отыщем.

Нина напомнила о другой зацепке:

– А можете заодно поискать в базе видеозаписей самого курьера?

– Зависит от того, есть ли у нас четкие кадры с его лицом, – пробормотала Брек. – Все-таки стояла ночь... Попробуем высветлить картинку и лучше выделить детали.

– Что-то тут не сходится... – Поразмыслив, Нина нахмурилась. – Человек, который на меня напал, был подтянутым, мускулистым. Как вы. – Она кивнула Кенту. – А мужчина на видео полноват, к тому же хромает на правую ногу.

– Вы не видели его одиннадцать лет, – резонно заметил Уэйд. – С возрастом мужчины перестают походить на аполлонов. Взять, к примеру, меня, – он

усмехнулся. – А повредив ногу, тем более забросишь тренировки.

Брек снова развернула ноутбук к себе и застучала по клавишам.

– Я составлю алгоритм его походки и загружу в систему. Если камеры засекут кого-то похожего, сравним, насколько совпадает их хромота.

Сняв очки, Кент поинтересовался:

– Допустим, мне надо обмануть распознаватель лиц. Могу я просто нацепить накладной нос, фальшивую бороду и очки, чтобы сбить систему с толку?

Брек помотала головой.

– Программа работает с костной структурой лица в целом, поэтому подобные фокусы не помогут. Технологии так просто не проведешь.

– И все же возможность существует? Косметические импланты, пластическая хирургия...

– Теоретически да, – сердито ответила Брек.

– По крайней мере, у нас есть годная зацепка, – прервал отвлеченную дискуссию Бакстон. – Агент Брек с этим разберется. А пока давайте составим психологический портрет подозреваемого.

Нина наострила уши. Именно этой части собрания она ждала больше всего. Пусть репутация Джеффри Уэйда и пострадала, он по-прежнему считался самым опытным «охотником за разумом» в ФБР. Препарировать психику нелюдей ему было не впервой.

– Все сводится к мотиву, – начал Уэйд. – Поведение субъекта отражает особенности его характера, которые, в свою очередь, сводятся к определенным закономерностям – паттернам. Они дают нам понять, что именно движет преступником. – Профайлер сложил пальцы домиком. – Наш убийца действует методично. Он специально выбрал в жертвы Софию, дабы вовлечь в расследование Герреру. Судя по записке, он четко связал нынешнее

преступление с тем, что пытался совершить одиннадцать лет назад. Исполнил давнее желание. Отсюда напрашивается вывод: убийца вышел на охоту после того, как посмотрел запись с участием Герреры.

Кент нахмурился.

– Хотите сказать, решающим толчком стал видеоролик?

– Это самая логичная версия. Убийцы могут долго фантазировать о расправе, ничего при этом не предпринимая. Обычно их побуждают к действию внешние факторы или стечение обстоятельств. – Уэйд взглянул на Нину. – Когда он увидел вас впервые за долгие годы, наверняка пришел в ярость.

Нина решила, что Уэйд так подробно все расписывает ради нее – и, возможно, агента Брек. Сотрудница киберотдела, как и Нина, не имела опыта в профайлинге, поэтому объяснения пришлось кстати.

Пользуясь случаем, Нина задала вопрос:

– Разве серийный убийца станет ждать одиннадцать лет?

– Глубоко одержимый – станет, – ответил Уэйд. – Наш субъект мог долго искать новую жертву взамен прежней и сдерживать свою тягу, пока не сработал триггер.

Кент снова нацепил очки.

– Или же он долгие годы скрывался и убивал исподтишка. Мы не можем утверждать, что агент Геррера была его первой жертвой, а София – второй за одиннадцать лет.

– Удивлюсь, если преступник с настолько ярким и последовательным почерком так долго оставался незамеченным, – возразил Уэйд.

– В базе похожих случаев нет, – поддержал его Бакстон. – Криминалисты не нашли совпадений и по найденным на месте преступления материалам, включая волосы, волокна, жидкости и так далее. Впрочем, как я уже говорил, мы провели

лишь предварительную проверку. Как только сделаем лабораторный анализ – получим подробный отчет.

Отважившись, Нина задала щекотливый вопрос, которого, похоже, все избегали:

– А кто-нибудь сравнивал улики с Эм-стрит с материалами по моему делу?

– Мы уже связались с полицией округа Фэрфакс, – сказал Уэйд. – Они пришлют нужные улики с архивного склада. Наши эксперты хотят проверить их еще раз. Также нам выслали файл с отчетом. Скоро что-нибудь да прояснится.

– Погодите! – воскликнул Бакстон, глядя на экран смартфона. – Мне пришло сообщение из отдела по связям с общественностью. Просят включить новости. – Он направил пульт на плоский монитор, закрепленный на стене.

Нина развернула стул к телевизору.

– В чем дело?

– Подозреваемый оставил послание. – Бакстон нажал на кнопку. – На этот раз публичное.

Глава 9

С экрана вещал импозантный пожилой ведущий в темно-сером костюме. Ниже светился логотип передачи.

– ...оставил сообщение на странице «Фейсбука», принадлежащей Шестому каналу, – рассказывал мужчина. – Дабы не вводить зрителей в заблуждение, мы тщательно проверили информацию, прежде чем выйти в прямой эфир. Кроме того, мы обратились за комментарием в ФБР. Подробнее об этом расскажет Джеррод Свифт.

Оператор взял средний план, показывая корреспондента лет тридцати, сидевшего рядом с ведущим.

– Благодарю, Стив. – Откинув со лба темную прядь, молодой журналист обратился к зрителям: – Около двадцати минут назад неизвестный прислал на наш аккаунт в «Фейсбуке» личное сообщение, заявив, что это он убил шестнадцатилетнюю Софию Гарсиа-Фигероа.

Джеррод продолжил говорить за кадром, а на экране появился скриншот странички новостного канала.

– Незнакомец воспользовался фальшивым профилем. Он заявил, что располагает сведениями о случившемся, которые может знать только сам убийца.

– Что же он написал? – спросил ведущий, когда на экране снова показалась студия новостей.

– Что очень зол. Как он выразился, «правоохранительные органы покрывают своих».

– В каком смысле? – Ведущий развернулся на стуле к Джерроду. – И как вы убедились, что сообщению можно верить?

– Мы связались с сотрудниками ФБР и показали им фотографию, которую выслал незнакомец.

На экране появился снимок записки, найденной во рту у жертвы.

– В ФБР от комментариев отказались, однако источники, близкие к расследованию, подтвердили, что именно это послание убийца оставил на месте преступления.

– Сукин сын! – Возглас Уэйда вывел Нину из оцепенения.

Она снова, как в кошмарном сне, уставилась на экран.

– Незнакомец, написавший нам в «Фейсбук», заявил, что записка адресована специальному агенту Нине Геррере, – продолжил Джеррод. – Это она недавно засветилась в популярном видеоролике. Наш собеседник назвал ее Воительницей – так переводится с испанского ее фамилия.

Стиснув зубы, Нина едва не разразилась бранью в адрес бесплотного голоса, бубнившего с экрана в сопровождении кадров из парка Аккотинк.

– Пересматривая запись с участием агента Герреры, мы заметили любопытную вещь, – не умолкал Джеррод. – Взгляните сами.

Экран поделился надвое: слева – стоп-кадр с Ниной, справа – сделанная в старших классах фотография Софии Гарсиа-Фигероа.

– Сходство налицо, – заключил ведущий, когда камера снова повернулась к нему. – А как считает ФБР?

– Они еще не выступили с официальным заявлением.

– Итак, чего же требует убийца? – спросил ведущий. – Он объяснил, зачем обратился в СМИ?

– Он написал, что не позволит федералам скрывать информацию от общественности. Думаю, он хочет славы.

Уэйд раздраженно фыркнул. Диванные эксперты ему не по душе, решила Нина.

– А еще он прислал новый шифр, – добавил журналист.

Нина затаила дыхание. На экране появилась последовательность букв и цифр – совсем не та, что убийца намалевал на стенке контейнера.

– Что здесь зашифровано, Джеррод? – поинтересовался ведущий.

– Пока неясно. Мы над этим работаем.

– Убийца обратился только к нам?

– Да. Он не сказал, почему.

– Погодите, у меня срочное сообщение от продюсера... – Ведущий прикоснулся к наушнику. – На нашей странице в «Фейсбуке» множество новых комментариев. Люди пытаются разгадать послание. – Он взглянул на собеседника. – Мы обязательно перешлем годные версии федералам.

Джеррод кивнул, попытавшись скрыть за серьезной миной журналистский азарт.

– Как бы там ни было, убийца, похоже, равнодушен к агенту Геррере, – подытожил он. – Будем надеяться, сотрудники ФБР уже напали на след.

– Спасибо, Джеррод, и пожалуйста, держите нас в курсе. Похоже, этот парень – и сам как шифр. Полон сюрпризов. – Затем ведущий обратился к зрителям: – После небольшого перерыва мы расскажем вам о дезинсекторской компании из Рестона, которая обещает избавить ваш дом от насекомых с помощью телепатии и целительных кристаллов.

– К черту ящик! Вырубайте! – рявкнул Бакстон и оглядел подчиненных. – Кто-нибудь запомнил шифр?

– Тридцать четыре, тридцать шесть, двадцать, пятьдесят, два, двадцать шесть, – прочитала Брек с экрана ноутбука. – Затем буквы «Е» и «Р».

Уэйд переписал символы в блокнот.

– Здесь уже не просто замена по алфавиту, – заметил он. – Есть числа больше тридцати трех.

– Я отправлю код в отдел криптоанализа, – сообщил шеф и угрюмо прибавил: – Правила игры поменялись. Субъект вмешал общественность.

– Он хочет контролировать все аспекты дела, – вздохнул Уэйд. – В том числе, какие сведения публиковать. К тому же он наслаждается вниманием. Типичный нарцисс.

– Как думаете, что он предпримет дальше? – Судя по нервному взгляду, Бакстон боялся услышать ответ.

– Повысит ставки, – предположил профайлер. – Начнет охотиться за Геррерой, чтобы свести счеты с федералами и тем самым доказать свое превосходство.

Нина не собиралась сидеть сложа руки. Подонки, что хотел с ней покончить, понятия не имел, какой она стала. Если их пути пересекутся вновь, Нина будет к этому готова.

– А если он меня не достанет? – спросила она.

– Тогда, – Уэйд пристально взглянул ей в глаза, – умрет кто-то другой.

Глава 10

Нина сразу поняла, на что намекает Уэйд. София Гарсиа-Фигероа погибла вместо нее, и если подонка не остановить, он найдет новую жертву. Вина тяжелым покрывалом опустилась ей на плечи.

– Какие убийцы загадывают загадки? – нарушила тишину Брек.

– Исходя из моего опыта, серийные, – ответил Уэйд.

– Но у нас всего одна жертва. – Бросив взгляд на Нину, Брек поправилась: – Точнее, одна убитая жертва.

– В том-то и загвоздка. – Уэйд провел пальцами по жестким седым волосам. – У преступников, которые активно интересуются расследованием, обычно на счету по нескольку убийств. А у нашего субъекта, судя по скудным вещдокам, за плечами всего одно, плюс неудачная попытка.

В комнате снова воцарилось молчание.

– «Надежда мертва», – задумчиво протянула Нина, вспомнив о первом зашифрованном послании. – Что это, черт возьми, значит?

– Если жертва заменяла вас, значит, он ритуально вас убил, – монотонно произнес Уэйд.

– Почему же вы тогда предположили, что умрет кто-то еще? – возразила Брек.

– Хороший вопрос, – поддержал ее Бакстон. – Агент Уэйд, вы не могли бы уточнить психологический портрет подозреваемого с учетом новых сведений?

– Самый надежный способ постичь разум убийцы – изучить его поведение, особенно на месте преступления, где он действует наиболее импульсивно, – начал профайлер. – Если сравнить дело Герреры и новый случай в Вашингтоне, мы увидим четкую закономерность как в выборе жертв, так и в самом подходе. Субъект надел перчатки, подыскал место без уличных камер, изменил внешность и раздобыл униформу курьера, что говорит о собранности и дисциплине. А заигрывание с прессой указывает на жажду всеобщего внимания и лишний раз подчеркивает стремление все контролировать. Убийца демонстрирует миру, что это он, а не ФБР направляет расследование. А еще, – Уэйд взглянул на Нину, – он одержим вами, агент Геррера.

Коллеги снова повернулись к Нине, будто она скрывала от них важные сведения.

– Понятия не имею, почему он на мне заиклен, – сказала она, постаравшись, чтобы ответ не прозвучал слишком резко.

– Когда дело касается рецидивистов, – продолжил Уэйд, по-прежнему буравя Нину взглядом, – важнее всего изучить самые ранние преступления, которые обычно совершаются недалеко от дома и лучше всего раскрывают мотивы. – Он помолчал, обдумывая дальнейшие слова. – В записке убийца назвал вас «Той, что ускользнула», возможно, намекая на то, что вы – его первая жертва. Если с тех пор он ни на кого не нападал, то вы, сами того не понимая, можете обладать важными сведениями.

– Вы все-таки настаиваете, что он серийный убийца? – Нина скрестила руки на груди. – Где же хотя бы три жертвы?

Как и другие агенты, в академии она изучала классификацию убийц. Серийный, согласно определению, убивает как минимум троих, причем случаи должны быть разделены по времени или обособлены психологически. У массового убийцы – как минимум четыре жертвы за короткий временной интервал. А у беспорядочного убийцы – по меньшей мере два инцидента в разных локациях без периода затишья между ними.

Уэйд пожал плечами.

– Я не называл его серийным убийцей, но он определенно рецидивист. Полагаю, вы изначально что-то в нем пробудили, вызвали реакцию. А ваш побег отрезвил субъекта, ударив по его самооценке. Думаю, он подавлял в себе желание убивать, пока не увидел вас в том ролике из парка.

Кент медленно кивнул.

– А теперь убийца вышел на охоту, решив доказать миру и себе самому, что все-таки добьется своего.

– Ему очень важно это доказать, – согласился Уэйд.

Бакстон поправил ворот рубашки и, глубоко вздохнув, произнес:

– Даже малейшие сведения о преступнике крайне важны. Поэтому нам нужно обсудить дело агента Герреры. – Немного помолчав, он добавил: – Во всех подробностях.

Поймав его взгляд, Нина поняла, что начальник дает ей возможность избежать неловкой ситуации. Если сейчас она выйдет из кабинета, перестанет быть частью команды, Уэйд допросит ее лично, а затем передаст сведения остальным. Он отсеет лишнее, защитив ее от сплетен и осуждения. А если она останется – придется подробно излагать коллегам свою историю и отвечать на любые вопросы, как только они появятся.

Еще учась в академии, Нина уяснила, что подобные интервью – лучший источник информации. Сейчас у команды не было источника ценнее, чем она.

Момент настал. Пришло время рассказать о случившемся. Поведать о самых сокровенных, самых унижительных часах своей жизни. Она либо справится, либо сядет на скамейку запасных – наблюдать, как другие агенты распутывают дело.

Оглядев коллег, Нина вспомнила, как в шестнадцать лет изливала душу следователям и психологам. Если это поможет поймать убийцу, она расскажет все снова – уже будучи взрослой.

– Вы не обязаны, – еле слышно шепнул ей Уэйд.

Как раз таки обязана, подумала Нина. Расправив плечи, она взглянула на Бакстона.

– Что вы хотите узнать?

Шеф украдкой переглянулся с профайлером. Должно быть, они заранее договорились, чтобы Нину допросил не кто-нибудь, а доктор Джеффри Уэйд – заслуженный психолог-криминалист. Бакстон знал про ее собеседование при поступлении на службу и, должно быть, подумал, что ей будет проще снова открыться именно Уэйду.

Как бы не так...

Уэйд развернул стул к ней.

– Расскажите все, что помните о похищении, Нина.

Он впервые назвал ее по имени. А еще использовал слово «похищение», чтобы она поменьше думала о насилии. Нина и сама применяла ту же тактику во время допроса пострадавших.

– Это случилось поздно ночью в Александрии[21 - Александрия – город в штате Вирджиния, расположен неподалеку от столицы США Вашингтона.], – начала она рассказ. – Я сбежала из приюта и познакомилась с компанией женщин. Они жили в трейлере неподалеку от торгового центра.

Уэйд кивнул.

– Когда я впервые заметила темно-синий фургон, он медленно проехал мимо. Затем развернулся и встал на дальнем конце парковки. Одна из женщин – светленькая – подошла к водителю и спросила, не хочет ли он развлечься.

Нина помнила эту дамочку так ясно, словно все случилось вчера: ее манерную походку, копну замызганных волос, которые колыхались с каждым шагом.

– Я просто с ними тусовалась. Я не сидела на наркотиках, поэтому мне не было нужды торговать собой, – пояснила Нина, вглядываясь в холодные серые глаза Уэйда. – Блондинка вернулась и сообщила, что водитель фургона хочет не ее, а меня.

Нина хорошо помнила ее лающий смех, почерневшие зубы и распухшие десны, темную бездну рта на бледном, освещенном луной лице.

– И тут ни с того ни с сего мужчина распахнул водительскую дверцу, выпрыгнул из кабины и бросился ко мне.

На нее нахлынул леденящий ужас той ночи.

– Водитель был в черной балаклаве и ярко-голубых латексных перчатках. – Нина попыталась унять дрожь. – Погода стояла прохладная, но не настолько, чтобы надевать вязаную маску. Как только я его увидела – бросилась бежать, но он оказался быстрее. Нагнал меня в два прыжка, схватил за волосы, собранные в хвост, и притянул к себе. – Нина рассеянно потрогала короткую стрижку. – Обвил мою шею огромной ручищей и сдавил.

– А что сделали остальные? – спросил Уэйд.

– Убежали.

Нина надеялась, что новые подруги ей помогут. Вшестером они одолели бы ублюдка. Однако женщины молча глядели, как громила тащит Нину в машину. Как и многие другие, они бросили ее на произвол судьбы. В тот миг она окончательно поняла, что одинока и может рассчитывать лишь на себя.

– У него даже оружия не было, а они разбежались. – Нина сглотнула комок в горле. – Оставили меня одну.

– Что случилось потом? – мягко подтолкнул ее Уэйд.

– Он схватил меня, затащил в фургон и принялся душить, пока я не отключилась.

– А затем, когда вы очнулись? – Профайлер задавал вопросы ровным, лишенным эмоций голосом, как на классическом допросе.

– Как только я начинала отбиваться, он дубасил меня по голове. Не давал опомниться. – Нина не спускала глаз с Уэйда: он удерживал ее в настоящем, пока она все глубже погружалась в прошлое. – Кружилась голова, я вела себя заторможенно. Помню, как он стащил с меня одежду, а затем сцепил скотчем мои запястья и лодыжки. И заклеил рот.

– Помните, какой скотч он использовал?

Она попыталась увидеть картинку четче.

– Не помню.

– Даже цвет?

– Было темно.

Словно не заметив ее волнения, Уэйд продолжил:

– Пожалуйста, не поймите меня превратно – я должен задать этот вопрос, чтобы понять, к какому психотипу отнести преступника. – Он подождал, пока Нина кивнет, и спросил: – Вы сопротивлялись?

– Из всех сил.

– Как он реагировал?

– Чем яростнее я отбивалась, тем беспощаднее он себя вел. По-моему, его это даже возбуждало.

Уэйд коротко кивнул, словно на такой ответ и рассчитывал.

– Что произошло потом?

– Он распахнул задние дверцы фургона. Вокруг росли деревья. Много деревьев. Он вытащил меня наружу, перекинул через плечо, будто мешок с песком, и отнес в какой-то сарай. Тесный, но крепко сколоченный.

Нина замолчала, собираясь с духом. Уэйд не стал ее торопить. Остальные тоже тихо ждали.

– Притащив меня в сарай, он захлопнул дверь и положил меня лицом вниз на металлический стол. Достал нейлоновый шнур и привязал мое левое запястье к одной из ножек стола. Затем разрезал скотч и примотал правое запястье к другой ножке. То же самое проделал с лодыжками.

– Он вас полностью обездвижил? – уточнил профайлер.

– Я не могла пошевелиться, – прошептала Нина.

– Все хорошо, – произнес Уэйд низким, успокаивающим голосом. – Что было дальше?

– Он ненадолго исчез. Вернулся в черном плаще. И по-прежнему в балаклаве и перчатках.

– Как выглядел плащ?

– Я лежала на животе, однако разглядела, что одеяние длинное и запахнуто спереди. Вокруг пояса повязана веревка.

– Вы молодец. Продолжайте.

Нина сомневалась, что кто-либо из присутствующих, кроме Уэйда, читал полицейский отчет по ее делу и знал о произошедшем. На работе не место эмоциям, напомнила себе она и сосредоточилась на роли детектива. Решила описать события так, будто они произошли с кем-то другим, а она – всего лишь свидетель. Задача не из простых, когда воспоминания ранят и оглушают.

Подумав об убитой в Джорджтауне девушке, Нина заговорила:

– Он долго гладил шрамы на моей спине. Жалел, что не сам нанес мне увечья. – Немного помолчав, она уточнила: – Вообще-то он сказал не «нанес», а «наградил», словно рассуждал о высшем благе.

Похоже, провалы в ее воспоминаниях, когда-то озадачившие Уэйда и детектор лжи, начали потихоньку заполняться.

– Вам пришлось нелегко. – В голосе профайлера прозвучало участие. – Что он сделал потом?

Нина вытерла вспотевшие ладони о брюки и скрепя сердце продолжила:

– Краем глаза я увидела, как он зажег сигарету. Он сыпал вопросами: откуда у меня отметины от ремня, плакала ли я, когда меня стегали. Тогда же он спросил, как меня зовут.

Брек взволнованно поднесла руку ко рту.

– Он так и выразился – «отметины от ремня»? – уточнил Уэйд.

Закрыв глаза, Нина обратилась за помощью к подсознанию.

– По-моему, да.

– Откуда он узнал, что следы именно от ремня? – оживился профайлер.

Нина поняла, к чему он клонит. Предполагает, что нападавший знал ее до похищения. Она отмела эту версию:

– Рубцы были свежими. Мне нанесли их за несколько дней до похищения. Возможно, он увидел следы от пряжки. Довольно очевидно, откуда берутся такие раны.

– Вы не встречались с ним прежде? – осведомился Уэйд напрямик.

Об этом Нину уже сотню раз спрашивали полицейские. И еще чаще – она сама.

– Нет.

Уэйд молча, испытующе посмотрел ей в глаза. Включился кондиционер, наполнив комнату монотонным жужжанием.

– Что он сделал с сигаретой?

Уэйд – черт бы его побрал – прекрасно знал, что подонок сделал с сигаретой!

– Он трижды прижег мне спину. – Сердце у Нины забило быстрее, однако она твердо продолжила: – Нарисовал треугольник. Три вершины – три ожога.

Она вспомнила, как ее собственный крик заглушил шипение, с которым раскаленный кончик впечатался в кожу. Ноздрей достигла вонь горящей плоти. Нина лежала, прижавшись к холодной стали и тяжело дыша, пока сигарета снова не прикоснулась к спине. Сперва боль пронзила одну лопатку, затем – другую и, наконец, поясницу.

Нина не хотела рассказывать дальше и в то же время понимала, что должна. Вдруг какой-то нюанс, на первый взгляд незначительный, поможет остановить монстра?

Она заставила себя продолжить ради Софии. И ради следующей жертвы, которую убийца уже подыскивал.

– После третьего ожога похититель, похоже... возбудился. Он развязал веревку на поясе и распахнул плащ.

С бешено колотящимся сердцем Нина описала, как маньяк трижды ее изнасиловал. Он измывался над ней несколько часов подряд, привязывая ее по-другому перед каждым подходом.

Уэйд слушал, не перебивая, а когда она договорила, спросил:

– Он вам что-нибудь сказал в процессе?

– Он лежал на мне сверху и шептал на ухо. – Нина крепко зажмурилась, стараясь воссоздать в памяти слова. – Черт, я не помню!

– Ничего страшного, – не скрывая досады, проронил Уэйд.

Затем Нина поочередно ответила на вопросы, возникшие у коллег.

Да, каждый раз он менял презерватив. Нет, он ее не кусал. Да, он время от времени наносил удары. Нет, он ничего ей не сломал. Она вывихнула левое запястье, когда выпутывалась.

Нина чувствовала себя опустошенной – ментально и физически. Однако вопросы не иссякали.

– Как вам удалось сбежать? – Уэйд с видимой неохотой перешел к финалу истории.

– Насытившись... он ушел. Я осталась привязанной к столу и едва могла пошевелиться. Все тело болело. Сильно. Я вспотела. Руки настолько взмокли, что стали выскальзывать из петель. Я поднажала. Ладони у меня маленькие, а я еще сложила их вот так, – Нина подняла руку и прижала к ладони большой палец. – Я тянула изо всех сил, пока не высвободила левое запястье. А затем уже развязала остальные узлы.

Уэйд восхищенно приподнял брови.

– И при этом вы не знали, когда он вернется и вернется ли вообще?

– Нужно было действовать быстро. Дольше всего я провозилась с правой лодыжкой. Голова перестала кружиться, но ужасно болела. Я соскользнула со стола, на цыпочках подкралась к двери и выглянула наружу. По-прежнему стояла ночь – едва забрезжил рассвет. Фургон исчез, его хозяин – тоже. Я бросилась в лес.

– Без одежды? – уточнила прежде молчавшая Брек.

– В сарае одежды не было, а мои вещи, должно быть, остались в фургоне. В любом случае, стыд отступил, ведь на кону стояла моя жизнь.

Укоризненно взглянув на Брек, Уэйд произнес:

– Продолжайте, Нина.

– Бежала я долго, пока не показались дома. Местность я не узнала – потом уже выяснила, что очутилась в Шантильи. Это городок на западе округа Фэрфакс, в тридцати пяти минутах езды от места похищения.

Нина вспомнила, как отчаянно искала помощь, как сильно боялась, избитая и уставшая, постучать в незнакомую дверь и нарваться на другого насильника, еще хуже прежнего.

– Я заметила, что в одном из домов горит свет, и нажала на кнопку звонка. Взглянув на меня, хозяин сразу позвал жену. Она укутала меня в плед, пока муж вызывал полицию.

– Как повели себя полицейские?

– Как обычно. Допросили меня, а двое санитаров – осмотрели. И много чего обнаружили.

Благодаря адреналину вперемешку со страхом она выдержала нескончаемые расспросы детективов и врачей. Лишь намного позже, наконец-то оставшись одна и тщательно вымывшись в душе, дала волю слезам.

– Вас отвезли в больницу?

– Хотите знать, взяли ли у меня все нужные анализы? – Ее голос прозвучал резче, чем она планировала. – Взяли. Отчет я не видела, поэтому вы, должно быть, осведомлены лучше меня.

Еще один документ, который ей не показали.

– А что насчет места преступления?

– Я объяснила, куда меня привез похититель, но когда полиция приехала, сарай был охвачен огнем. Не прошло и получаса, как он сгорел дотла.

– Кто владел землей?

– Участок в двадцать акров принадлежал пожилым супругам, которые умерли, не оставив завещания. Несколько десятилетий назад они выстроили там дом. Их взрослые дети, давно покинувшие семейное гнездо, начали спорить, кому достанется земля. Суд по наследственным делам решал судьбу участка около года. Полиция полагает, что похититель выстроил сарай нелегально. После пожара улик почти не осталось – все отпечатки, биоматериалы и следы ДНК сгинули в огне.

Завершив рассказ, Нина обратилась к Уэйду:

– Почему вы спрашивали, какую липкую ленту использовал похититель?

– Полезно знать, не применял ли он что-то необычное. То же самое касается инструмента, которым он разрезал скотч на ваших запястьях и лодыжках. Есть, например, армейские ножи, которым подвластны плотная ткань и парашютные стропы.

– Я не помню, какой у него был нож.

– Полагаю, на сегодня достаточно, – с очевидной поспешностью вклинился Бакстон, демонстративно взглянув на часы.

Напряжение, царившее в комнате, немного ослабло.

У Нины возникло чувство, будто она каким-то образом подвела команду. Босс выручил ее в тот миг, когда память в очередной раз дала сбой. Нина отчаянно хотела поведать коллегам все подчистую, однако отдельные детали затерялись в укромных уголках подсознания. Она понимала: чтобы поймать убийцу, придется извлечь все крупинки информации до единой – вместе с болью, что их сопровождала.

Глава 11

Три часа спустя Нина вздрогнула от неожиданности, когда Кент с глухим стуком водрузил кувшин пива на круглый, в царапинах, столик. Уэйд поставил рядом четыре пустые кружки.

– Первая – для Герреры, – разливая пиво, объявила Брек.

Нина сжала прохладную стеклянную ручку.

– Бакстон не придет?

– Думаю, большие шишки предпочитают не знать, что здесь происходит. – Кент обвел рукой помещение.

После изнурительного дня в офисе ОПА четверо коллег забрались в один из служебных внедорожников и быстро доехали до базы в Куантико. На территории Академии ФБР имелся бар, который прозвали конференц-залом и куда заходили гости со всего света – от новоиспеченных агентов до старших сотрудников Бюро. По вечерам здесь устраивали танцы, караоке или карточные игры для всех, кто не прочь развеяться.

– Сегодня народу негусто, – заключила Нина, оглядевшись по сторонам. – Даже никто не буянит.

Наклонив кувшин, Уэйд наполнил кружку янтарным напитком.

– Думаю, Бакстон предоставил нам возможность поболтать без надзора.

Разумно. Ведь им предстояло трудиться в команде. Только Уэйд и Кент пришли из одного отдела. Чтобы эффективно вести расследование, всей четверке нужно было сработаться. И, возможно, извлечь из этого профессиональную выгоду.

Нина протянула Кенту пустую кружку.

– Пару часов назад я заметила, что вы пытаетесь разгадать шифр. Как успехи?

– Я общался по локальной сети с криптоаналитиками. – Кент налил в кружку пива и передал агенту Брек. – Они на шифрах собаку съели, вот я и решил обсудить с ними построение фраз из предыдущих посланий. Возможно, это поможет распутать новую загадку.

– Кент изучал психолингвистический анализ, – пояснил Уэйд, запустив руку в корзинку с солеными крендельками, стоявшую в центре стола. – Под крылом у Дядюшки Сэма.

Нина удивленно взглянула на Кента, ожидая подробностей.

– До ФБР я служил в спецназе, – признался тот. – Нашей разведгруппе потребовался специалист по допросам. Только не спрашивайте зачем – все мои миссии засекречены. У меня уже имелся диплом бакалавра по психологии, поэтому на курсы отправили именно меня. Еще и магистерскую программу оплатили.

– Ищете на дне арахис? – Брек шутливо подтолкнула локтем Уэйда.

Тот перестал копаться в плошке с крендельками.

– Организм требует белковой пищи.

– Мой тоже! – рассмеялась Брек. – Но орешки тут не помогут. Слона бы съела, а то и кита!

– У вас такой чудесный говор, – улыбнулась ей Нина. – Никак не пойму, откуда вы родом...

– Из Джорджии. Впрочем, не из Атланты. Я из Нижних земель[22 - Нижние земли – географический и культурный регион, включающий прибрежные области Южной Каролины и Джорджии.], где люди до сих пор считают, что суши – это наживка для рыбной ловли. – Она встала из-за стола. – Закажу-ка нам пиццу.

– Почему вы решили изучать лингвистику? – спросила Нина Кента; его прошлое интересовало ее гораздо больше, чем ужин.

– Так вышло само собой. Я знаю четыре языка, много читаю. Люблю копаться в словах.

– Значит, вы можете судить о человеке по стилю его речи?

– А еще по стилю письма. Могу примерно определить уровень образования, коэффициент интеллекта, откуда человек родом, его взгляды и убеждения и так далее. Своеобразные речевые обороты порой приводят к интересным выводам. Взять хотя бы нашего подозреваемого. Он сказал, что хотел бы «наградить» вас увечьями. – Кент поставил кружку на стол. – Простите, что снова затронул эту тему...

Поймав на себе внимательный взгляд Уэйда, Нина беспечно махнула рукой.

– Да я уже привыкла. Уэйд три раза меня про это спросил, пока вы с Брек были заняты.

Возможно, профайлер специально не давал ей расслабиться, чтобы извлечь из ее подсознания малейшие подробности случившегося.

– Я тоже размышлял, отчего субъект так странно выразился, – произнес Уэйд. – Подумайте: кто награждает людей благами?

– Король? – включилась в обсуждение Брек, вернувшись от барной стойки.

– Власть имущие? – предположил Кент.

– Бог, – озвучила Нина первое, что пришло в голову.

– Именно! – Уэйд шутливо поднял кружку в ее честь.

– Подвеска «глаз Бога». – Она машинально погладила шею. – Подозреваемый хранил ее все эти годы. О чем это говорит? Он мнит себя божеством?

– Судить рано. Впрочем, он точно жаждет власти и контроля. Его переписка с прессой явно на это указывает.

– Маньяки всегда стремятся к власти, – добавил Кент. – Одна часть их «я» тешит себя мыслями о собственном превосходстве, тогда как другая вынуждена подчинять окружающих, чтобы выдавать желаемое за действительное.

– Клубок противоречий, – сделала вывод Нина.

– Поэтому они такие неуравновешенные. – Кент повертел печенье перед глазами. – Выражаясь по-научному – чокнутые.

– У некоторых за плечами трудное детство, агрессия со стороны родителей. – Уэйд задумчиво нахмурил лоб. – Что касается нашего субъекта... Полагаю, его унижал отец или мужчина, заменявший отца.

– Вы копаетесь в мозгах, а я – в компьютерах, – Брек усмехнулась. – Моя работа мне нравится больше.

– Кстати, о компьютерах... – Нина повернулась к ней. – Днем я заметила, как вы что-то обсуждаете с ребятами из киберотдела. Есть какие-то подвижки?

– Так, сперва надо еще выпить... – Брек подлила себе пива. – Похоже, нашему субъекту запали в душу слова ведущего новостей. Помните? «Этот парень – и сам как шифр, полон сюрпризов». – Когда все закивали, Брек ухмыльнулась: – Теперь он зовет себя Шифром!

– Решил потешить свое эго, – прокомментировал Уэйд. – Считает себя тайной, которую никому не разгадать.

– Тоже мне тайна! – фыркнула Брек. – Да по нему психушка плачет! Он создал несколько страничек в соцсетях с древними письменами на аватарке. Как будто

продвигает личный бренд.

– Значит, намерен продолжать, – заключила Нина.

– На него подписалась уйма народу, – добавила Брек. – Большинство – тролли, но есть и группка фанатов.

– Фанатов?! – чуть не поперхнулась Нина.

– Он опубликовал в «Фейсбуке» свой шифр и объявил конкурс, кто быстрее его разгадает. – Брек глотнула еще пива. – Этот пост собрал множество лайков. Люди собираются в команды и соревнуются, какая из них первой расшифрует послание. Ребята из Эм-ай-ти[23 - Эм-ай-ти – сокращенное название Массачусетского технологического института (Massachusetts Institute of Technology, MIT), расположенного в пригороде Бостона – Кембридже. Один из самых престижных технических вузов в США и во всем мире.] пишут, что у них уже есть несколько версий.

Уэйд покачал головой.

– Теперь целые толпы играют в его игры.

– Мы можем обязать руководство соцсетей предоставить нам его личные данные? – спросила Нина.

– Мы уже направили запросы, – ответила Брек. – Данные нам вышлют, но я многого не жду. Похоже, подозреваемый технически подкован. Он не стал бы заводить страничку под реальным именем и наверняка нашел способ скрыть местоположение и ай-пи.

Кент тихо выругался.

– Тогда давайте его заблокируем.

– Нет, – неожиданно резко сказал Уэйд. – Каждая кроха информации, каждый его пост помогают нам больше о нем узнать.

– Он вышел на публику, чтобы помешать расследованию, – возразил Кент. – А вдруг кто-то разгадает шифр раньше нас? Кriptoотдел пока не справился.

– Последние его сообщения предназначались Геррере, – заметил Уэйд. – Нынешнее, скорее всего, тоже. Если хочешь знать, что преступник предпримет в будущем, обратись к его прошлому.

За столиком повисла тишина. Все, конечно, ждали вердикта Нины. Это ей Шифр посвящал послания, посылал угрозы. Каково ей теперь, когда тысячи – а может, миллионы – человек включились в игру безумца, который хочет ее убить?

Одним глотком она допила остатки пива.

– Если это поможет поймать гада, давайте оставим его в соцсетях.

– Он будет привлекать к вам все больше внимания, – предостерег Кент. – И ко всему Бюро – тоже.

Нина понимала, чем они рискуют. Если расследование пойдет не по плану, начальство это без внимания не оставит. Еще со времен Эдгара Гувера[24 - Эдгар Гувер (1895–1972) – американский государственный деятель, занимавший пост директора ФБР с 1924 по 1972 г. При нем организация обрела современное название (до 1935 г. она называлась «Бюро расследований») и претерпела ряд изменений, которые благотворно сказались на ее работе и имидже в глазах американцев.] агенты как мантру заучивали правило: «Не подведите Бюро».

Не значит ли это: «Не допускайте, чтобы ваше имя склоняли по всему интернету?»

Брек, очевидно, размышляла о том же.

– Мы должны объявить Бакстону коллегиальное решение, – сказала она. – Перед выходом я вкратце обрисовала ему ситуацию. Он согласился оставить все как есть, пока соцсети не предоставят информацию по нашему запросу. Затем, если у нас по-прежнему не будет зацепок, он планирует удалить странички Шифра. Все уже к этому готово, однако я попросила Бакстона немного подождать. Я согласна с Уэйдом, но по другим причинам. Чем больше времени Шифр проводит

онлайн, тем больше у нас шансов обойти его защиты в киберпространстве.

Кент провел пальцем по ободку кружки.

– Не нравится мне все это, но против команды я не пойду. Завтра вместе сходим к Бакстону. – Он взглянул на Нину ярко-голубыми глазами. – Подозреваемый причинил вам много зла. А мы словно даем ему моток веревки в надежде, что он на ней повесится. Слишком большой моток, на мой взгляд...

Нина понимающе кивнула. Шифр – преступник, а они дают ему доступ к широкой аудитории. Стоит ли рисковать, отматывая ему еще веревки, – вдруг он затянет петли у них на шеях? Нина знала лучше всех, как опасна веревка в руках у безумца.

Глава 12

Ночью Нина почти не спала, а с утра ее сборы на работу прервал неожиданный стук в дверь. Выглянув на площадку, она увидела Бьянку с упитанным серым котом на руках.

– Ты взорвала интернет! – вместо приветствия воскликнула девушка.

Нина посмотрела на нее заспанным взглядом.

– Любят же некоторые... коты заявиться в гости с утра пораньше!

– Да ты посмотри! – Пропустив упрек мимо ушей, Бьянка с котярой на плече и мобильником в свободной руке прошествовала в квартиру. – Тебя обсуждают во всех соцсетях, твое имя – в топе поиска!

Как типичная девушка-подросток, часами пропадавшая в интернете, она затараторила про загадочного убийцу, о котором все судачат, о тайных посланиях и храброй Воительнице – так теперь называли Нину в Сети.

– А знаешь, какое зловещее маньячное прозвище он себе выбрал? – Бьянка сделала паузу для пущего эффекта. – Шифр!

Нина не отреагировала, и соседка нетерпеливо фыркнула.

– Ну? Как тебе кличка?

Сонно моргнув, Нина отхлебнула кофе.

– Я о ней слышала. И к слову, все это ничуть не помогает расследованию. Неужели те, кто комментируют его посты, не видят, что всего лишь тешат его самолюбие?

– Может, и видят, – ответила Бьянка. – Просто не могут остановиться, понимаешь?

Нина прекрасно понимала.

– Теперь, заполучив зрителей, он решит, что должен их чем-то развлечь.

– Вы же этого не допустите? Наверняка все ваши киберзадроты его ищут!

– Во-первых, не называй их задротами. Это профессиональные агенты и аналитики.

Бьянка скептически подняла проколотую бровь, и Нина добавила:

– Ладно, некоторые и правда слишком долго сидят за компом, зато они мастера своего дела. Впрочем, это меня и печалит...

– Что именно? Что псих перехитрил ФБР или что ваших гениев могут уделать обычные студенты?

Нина знала: под толстым слоем сарказма таится забота. Как многие другие дети-сироты, Бьянка научилась прятать свои чувства под маской черного юмора, показной враждебности или безразличия. Подростком Нина вела себя так же,

поэтому понимала, как сильно юная соседка за нее волнуется.

– Мне нужно тебе рассказать одну вещь, – пробормотала Бьянка, пряча глаза.

У Нины сразу сработало полицейское чутье:

– Что-то случилось?

– Я собрала команду. Подключила ребят, кто, как и я, сечет в компьютерах. Геймеров, кодеров, хакеров – тех, кто запросто обскочит федералов.

Окончив старшую школу в четырнадцать, Бьянка завоевала полную президентскую стипендию в Университет Джорджа Вашингтона. В конце текущего семестра она планировала получить степень бакалавра и уже задумывалась о магистратуре.

У Нины возникло нехорошее предчувствие. Поставив чашку на журнальный столик, она воззрилась на Бьянку особым взглядом, каким буравила свидетелей на допросе.

– Сейчас же выкладывай!

– Мы его вырубим! – Бьянка гордо вздернула подбородок.

Нина ждала дальнейших объяснений, и соседка, крепче прижав к себе кота, продолжила:

– Он написал, что скоро выложит ссылку на свой «Ю-тьюб»-канал – как только разберется с настройками.

Вчера в баре Брек не упоминала о видеотрансляции. А ведь Шифр мог привлечь еще больше внимания, добавив визуальный контент. Нине не хотелось думать о том, какого плана ролики он готовит.

Позже она поговорит об этом с Брек. А пока оставались дела поважнее.

– Как вы собираетесь его вырубить?

– Я же говорила: мы разбираемся в компах. – Бьянка вздохнула, словно ответ был ясен и ребенку. – Хакнем его и отключим от Сети. Чтобы больше не постил всякое дерьмо. – Она прищурилась. – Мы ему наваляем.

Нина задумалась, как бы этому помешать. Бьянка не уступала ей в упрямстве – без веской причины на попятную не пойдет. Похоже, девушка начала приводить свой план в действие, и у Нины не было времени обсудить ситуацию с начальством.

Она приняла решение:

– Я кое-что тебе расскажу, но если запостишь хоть слово из нашего разговора или проболтаешься, я сяду в машину и перееду твой телефон.

Поглаживая кота по густой короткой шерстке, Бьянка молча обдумала угрозу.

– Не надо включать агента Стерву, – наконец буркнула она. – Я никому не расскажу.

Нина вздохнула. День начался с удручающих новостей. Полчаса назад Брек написала коллегам, что все крупные социальные сети откликнулись на просьбу о передаче данных, однако аккаунты подозреваемого оказались фальшивыми и не поддавались отслеживанию. Как и предсказывала Брек.

– По правде говоря, нам пока не удалось вычислить мерзавца, – призналась Нина Бьянке. – Он не так прост.

– Но он ведь где-то создает эти аккаунты? Вы можете прошерстить сервера?

– Не выходит. Он словно призрак какой-то.

– Тогда мы его вырубим, и он заткнется.

Только не это, подумала Нина.

– Не надо, Би.

– У нас получится. Нужно всего лишь...

– Нет. Мы с коллегами против. – Нина взъерошила пальцами волосы. – Я поэтому и рассказала так много, чтобы убедить тебя подождать. Иначе ты и слушать не стала бы, так ведь?

Они глядели друг на друга, пока кот не стал вырываться у Бьянки из рук. Наклонившись, она отпустила его.

– Зачем позволять этому гаду выкладывать всякую чушь? Он же больной!

– Вчера мы обсуждали это в Куантико, – сказала Нина, – и решили, что пока будет лучше, если он продолжит общаться с публикой. Возможно, он каким-то образом себя выдаст.

Бьянка задумалась, наклонив голову. Ее угольно-черные волосы, завязанные в хвост, тоже свесились набок.

– Значит, ты все-таки надеешься, что ваши ребята его вычислят?

Девушка была чертовски умна.

– Это уже наша забота, – отмахнулась Нина. – А вы с друзьями не мешайте федеральному расследованию.

Бьянка уперла руки в бока.

– Вы не поверите, агент Геррера, но в расследовании участвует вся страна! Разве не это вы вчера обсуждали в Куантико?

Нина пропустила шпильку мимо ушей.

– Мне не защитить всю страну. Зато я прекрасно могу защитить семнадцатилетнюю соседку, которая ворошит осиное гнездо. – Улыбка исчезла с

ее лица. – Не хочу, чтобы ты столкнулась со злом.

– Да встречалась я со злом, – буркнула девушка. – И прекрасно знаю, каково это.

Нина познакомилась с ней четыре года назад, еще служа в окружной полиции. Бьянка тогда была проблемной тринадцатилетней девчонкой, постоянно сбегавшей из-под надзора. Когда она исчезла уже в сотый раз, на поиски отправили Нину. Та прочесала все места, где собирались подростки, и наконец обнаружила беглянку. Угостив ее бургером и рассказав о своем прошлом, завоевала ее доверие. Когда Нина узнала, почему Бьянка сбежала из дома, она арестовала супругов, которые числились ее приемными родителями, и приютила беглянку у себя, пока соцработники подыскивали ей новый дом. Тогда-то Бьянку увидела миссис Гомес – и сразу обрела новую цель в жизни. Родные дети миссис Го уже повзрослели, так что она уговорила мужа заполнить опустевшее гнездышко приемными ребятишками и начала с не по годам развитой девочки, которая казалась умнее многих взрослых.

В атмосфере любви и заботы Бьянка стала менее ершистой. Нина не хотела, чтобы девушка ввязалась в противостояние с Шифром и вернулась к темной стороне своего «я».

– Не стоит его недооценивать. – Нина обняла Бьянку за хрупкие плечи. – Однажды я заглянула ему в глаза. – Она едва не вздрогнула. – У него нет сердца, mi'ja.

Согласившись, Бьянка предложила иной подход:

– А если вы сами отметитесь на его страничке?

– Мы его только раззадорим.

– Если хотите, чтобы гад себя выдал, разговорите его.

Нина обдумала возможные последствия.

– Вообще-то идея неплохая... – Она принялась мерить шагами комнату. – Правда, сперва мне предстоит убедить Бакстона. Он наверняка посчитает, что прямой

контакт добавит в уравнение лишнюю переменную, за которой нам не уследить.

Можно было заручиться поддержкой Уэйда, однако Нина эту мысль отмела. Возможно, после беседы в баре его мнение о ней немного улучшилось, однако финального решения он еще не принял.

– Уж лучше вы ему напишете, чем все эти анонимы, – убеждала ее Бьянка. – Они хохочут над ним, называют психом и дебилом. А он злится, огрызается... Какая-то феерия тупости!

Брек упоминала интернет-троллей. Должно быть, они задели подонка за живое. Нина задумалась, как он поступит, если получит сообщение от ФБР. Ответит? Выставит переписку на всеобщее обозрение?

Внезапно Бьянка громко ахнула.

– Шифр взломали! Ребята из Эм-ай-ти! Они выложили разгадку с объяснением.

Нина бросилась к ней.

– Что там? И как они это разгадали?

Девушка пролистнула страничку на экране мобильного.

– Они разделили числа тридцать четыре, тридцать шесть, двадцать, пятьдесят, два и двадцать шесть пополам и получили семнадцать, восемнадцать, десять, двадцать пять, один и тринадцать. Меняем эти числа на соответствующие буквы алфавита и получаем «П-Р-И-Ч-А-Л». Затем шли буквы «Е» и «Р». Это шестая и восемнадцатая буквы алфавита. Следуя той же схеме, делим эти числа на два и получаем буквы «В» и «З». Меняем буквы на числа – выходит три и девять. Все вместе – «Причал 39».

Нина вернулась к журнальному столику за собственным телефоном.

– Интересно, разгадали ли это наши криптоаналитики... А где студенты Массачусетского разместили решение?

– В «Твиттере» у Шифра. Запостили в ответ на один из его твитов. – Вдруг Бьянка испуганно прикрыла рот рукой. – О нет! Нет, нет!

– Что такое? – Подбежав, Нина взглянула на экран из-за ее дрожащего плеча.

– Шифр оставил комментарий под их сообщением, – испуганно прошептала соседка. – Выложил фотографию.

Наклонившись, Нина развернула изображение на весь экран. На волнах лицом вниз качалось тело молодой девушки. Волосы разметало в стороны, будто золотистый веер. Подпись гласила: «Ты опоздала, Воительница».

В руке у Нины зазвонил мобильный. Еще не оправившись от шока, она поднесла телефон к уху.

– Агент Геррера, – раздался грубоватый баритон Уэйда. – Собирайтесь. Мы летим в Сан-Франциско.

Глава 13

Нина отвернулась от зевак, столпившихся за желтой сигнальной лентой. Где-то там, среди людей, возможно, таился подозреваемый; его присутствие почти физически ощущалось в тяжелом воздухе, пропитанном мускусным запахом морских львов, которые грелись на солнце неподалеку.

– Труп уже в морге, надо ехать туда, – проворчал Уэйд. – Какой смысл торчать тут на потеху туристам? Лучше посмотрим, что убийца сделал с жертвой.

После вчерашнего собрания, на котором Нина поведала коллегам о своем прошлом, она ощущала себя нагой и уязвимой. Шестичасовой перелет коммерческим рейсом бок о бок с Уэйдом только усугубил это чувство. Ей так и не удалось поговорить с новым напарником без свидетелей, обсудить нюансы совместной работы, поэтому между ними по-прежнему царило смутное напряжение.

Нина думала, что в Сан-Франциско Уэйд будет с ней советоваться. Вместо этого она чувствовала себя безликим инструментом в его руках. Полезным ресурсом. Как федерального агента, ее это не устраивало. У профайлера свои методы расследования, у нее – свои. И если он уже увидел на месте преступления все, что хотел, то она – еще нет.

– Уверена, агенты из местного отделения с удовольствием подвезут вас в лабораторию, – сказала Нина напарнику. – Я подъеду позже.

Уэйд поджал губы, отчего они превратились в тонкую ниточку.

– Я лишь напоминаю, что мы пробыли здесь достаточно долго.

– А я – оперативный сотрудник. Мне следует работать на месте преступления. – Взмахнув рукой, Нина указала на бухту и пирс. – А место преступления, мать его, здесь!

– Что за чушь, Геррера! Агенты из ОПА тоже часто работают вне офиса. Если вы забыли, я и сам выезжал на место убийства в Вашингтоне. А здесь мы закончили. Если всплывут какие-то детали – узнаем в полиции, при этом не слоняясь на глазах у толпы и не теша самолюбие маньяка.

Да, Уэйд был старше по званию, однако от ошибок никто не застрахован.

– В Джорджтауне вы не заметили кулон и надпись на стенке контейнера! Не хочу, чтобы мы опять упустили важные улики. – Развернувшись на каблуках, Нина зашагала на дальний конец пирса – туда, где синевато-зеленые волны мягко накатывали на выцветшие доски.

Труп девушки нашли привязанным к одной из цепей, скреплявших вместе плавучие платформы. Нина осмотрела толстые, заляпанные птичьим пометом доски, составлявшие нечто вроде островка на поверхности бухты. Пробраться на сам плавучий причал было непросто: его открепили от прибрежных столбиков, к которым привязывали лодки, чтобы крупные морские львы могли вдоволь погреться на дощатых настилах. Как же Шифру удалось туда попасть?

Нина прошла мимо Уэйда в обратном направлении и обратилась к сотруднику полиции Сан-Франциско, который двадцать минут назад кратко ввел их в курс дела:

– Лейтенант Спенглер, напомните, пожалуйста, когда обнаружили жертву?

– Сегодня около пяти утра.

– Сувенирные лавки и кафе тогда еще не открылись?

Полицейский помотал лысеющей головой.

– В это время здесь почти никого: только лодочники, которым надо отплывать, да несколько парней с Рыбацкого причала, которые торгуют на местном базаре, – они обычно открывают палатки спозаранку. – Взмахнув рукой, Спенглер отогнал надоедливую чайку. – Торговцев уже опрашивают, однако сомневаюсь, что они видели убийцу. Скорее уж лодочники.

– Значит, подозреваемый забрался на плавучий причал с лодки? – предположила Нина. – Прямо с набережной туда не попасть.

– Эта пристань – самая фотографируемая в стране. К тому же ее постоянно снимают на видео. Преступник наверняка это знал. – Лейтенант кивнул в сторону яхт, рядом пришвартованных неподалеку. – Мы полагаем, он раздобыл где-то поблизости лодку и еще затемно привез бедную девушку сюда. Вряд ли он сам полез в воду – здесь сильное течение, морские львы и бог знает что еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Эмансипация несовершеннолетнего – юридический процесс, в результате которого ребенок старше четырнадцати лет может официально отказаться от опеки родных или приемных родителей. – Здесь и далее прим. пер.

2

Университет Джорджа Мейсона – государственное высшее учебное заведение США, расположенное в округе Фэрфакс, штат Вирджиния, неподалеку от Вашингтона.

3

Корпус мира – гуманитарная правительственная организация США, отправляющая добровольцев для помощи бедствующим странам.

4

Имя «Джейн Доу» (или «Джон Доу», если речь о мужчине) используется в англоязычных странах для обозначения анонимной персоны или неопознанного тела. Изначально Джоном (или Джейн) Доу именовали в суде истца, если тот неизвестен или пожелал остаться анонимным.

5

Тактическая ручка – разновидность скрытого оружия для самообороны. Выглядит как обычная шариковая ручка и может использоваться для письма, однако корпус изготавливается из более прочных материалов – титана, стали, авиационного алюминия. Такой ручкой можно наносить удары в уязвимые места нападающего.

6

Джорджтаун – район, расположенный на северо-западе Вашингтона, округ Колумбия, вдоль берега реки Потомак.

7

Профайлеры – специалисты, которые составляют психологический портрет, или профиль, подозреваемого и пробуют предсказать его дальнейшие действия, анализируя индивидуальные особенности – внешность, вербальное и невербальное поведение, и так далее. Этот метод помогает установить личность преступника и чаще всего используется для поиска серийных убийц и насильников.

8

Тайвек – прочный нетканый материал, разработанный компанией «Дюпон». Изготавливается из полиэтилена высокой плотности и обладает влагонепроницаемостью, легкостью, а также стойкостью к механическим и химическим воздействиям.

9

Шифр простой замены – метод шифрования, при котором каждому символу в зашифрованном тексте соответствует единственный символ-отгадка. Например, как в данном случае, каждую букву заменяет ее порядковый номер в алфавите.

10

«Прекрасный вид» (исп.).

11

Куантико – город в штате Вирджиния, где располагается крупнейшая база военно-морской пехоты США. На территории базы находятся и федеральные ведомства, в том числе Академия и лаборатория ФБР.

12

Здравствуй, дочка! (исп.) «Mi'ja» – сокр. от «mi hija» – «моя дочка».

13

«Три молока» (исп.) – масляный торт, пропитанный тремя видами молока: сгущенным, топленым и сливками.

14

Спасибо (исп.).

15

Эмпанада – пирожок с разнообразными начинками (в испаноязычных странах).

16

Что случилось? (исп.)

17

Красавица (исп.)

18

Долбаная (исп.).

19

30 фунтов = 13,6 кг.

20

Оддин – верховный бог в германо-скандинавской мифологии, отец и предводитель асов, мудрец и шаман, знаток рун и саг, царь-жрец, колдун-воин, бог войны и победы.

21

Александрия – город в штате Вирджиния, расположен неподалеку от столицы США Вашингтона.

22

Нижние земли – географический и культурный регион, включающий прибрежные области Южной Каролины и Джорджии.

23

Эм-ай-ти – сокращенное название Массачусетского технологического института (Massachusetts Institute of Technology, MIT), расположенного в пригороде Бостона – Кембридже. Один из самых престижных технических вузов в США и во всем мире.

24

Эдгар Гувер (1895–1972) – американский государственный деятель, занимавший пост директора ФБР с 1924 по 1972 г. При нем организация обрела современное название (до 1935 г. она называлась «Бюро расследований») и претерпела ряд изменений, которые благотворно сказались на ее работе и имидже в глазах американцев.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mal-donado_izabella/shifr

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)